

Мария Хайнц



ПЕРФЕКЦИОНИСТКА В ОФИСЕ

СЕРИЯ "ПЕРФЕКЦИОНИСТКА"

16+

Мария Сергеевна Хайнц

Перфекционистка в офисе

Серия «Перфекционистка», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8957479
Перфекционистка в офисе: 2015
ISBN Авторское

Аннотация

У Александры, кажется, есть все для счастливой жизни: стремительная карьера в иностранном банке, любимый человек, уютная квартирка на окраине Москвы. Не хватает только обручального кольца, по ее мнению. На 25-летнем юбилее Александра ожидает от Алексея предложения руки и сердца, но он ей дарит сертификат на посещение курса по тайм-менеджменту. Алексей – психолог и опасается, что перфекционистское отношение ее возлюбленной к работе постепенно убивает их отношения. Он утверждает, что она не видит главного в жизни. Александра и сама замечает, что не все в ее жизни идеально: вставать по утрам становится все сложнее, а к Алексею она чувствует меньше и меньше. Она вообще мало чувствует, пока в числе ее подчиненных не появляется новый сотрудник Николай. Он интересуется не только работой и, кажется, все успевает. В Николае она находит то, чего ей

не хватает в Алексее. Но сможет ли она найти то главное, что нужно именно ей? Сможет ли каждый из нас?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	54
Глава 4	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мария Хайнц

Перфекционистка в офисе

Глава 1

Начало апреля, а весна с зимой, как пьяных прохожих, бросает из стороны в сторону: то все растает и растечется грязью по улицам, то снова заморозит. Притормаживая каблуками о лед, бегу по тропинке, обгоняя молодых людей в дорогих черных пальто и элегантно одетых девушек. Как вода по рукавам рек после дождя, ровно в полдень офисные работники спускаются из высотных бизнес-зданий, чтобы на час-два заполнить небольшие московские ресторанчики и уютные кафе. Салатики, супчики, курочка, стейки, котлетки с гарниром – меню на любой вкус. От одной мысли о них у меня текут слюнки, и ноги по привычке бегут быстрее, но я их осаживаю, как неразумных лошадей, и направляю в другую сторону – сегодня не до обеда.

Нужно успеть купить букет начальнице ко дню рождения, рассмотреть заявки на открытие счета, пока не начался фуршет, торжественно отметить день рождения Татьяны и вернуться домой. И все это желательно сделать до семи часов, как Лёше обещала.

«Не получится!» – пышет оптимизмом внутренний голос.

«Откуда такой скептицизм? – парирую я. – Просто нужно всё разумно распланировать и сделать! 15 минут на цветы, 15 – на дорогу, в 12.45 – заявка номер один. В 14.30 – второй кейс и в 16.00 – третий. В 17.00 помогаю Татьяне и празднуем. В 18.00 – выезжаю. В 19.00 – я дома – полная сил и страстного желания. Вуаля».

Одной рукой на ходу пишу Лёше смс, чтобы ждал на диване к семи, другой вставляю в ухо наушник – уровень культурного развития тоже нужно повышать. Света, моя единственная подруга, переслала вчера аудиофайл. Она все время мне что-нибудь интересное подкидывает. Света – большой начальник, поэтому для нее открыты двери семинаров и тренингов для лидеров. А там плохого не посоветуют. Я, благодаря ей, столько всяких международных гуру для себя открыла!

Нажимаю на «плей», в голове звучит монотонный женский голос: «Жан-Поль Сартр. Тошнота». Выдергиваю наушник из уха. Только её ещё сегодня не хватало! Света, наверное, шутит. Прислала обновленную классику типа «Начальники и подчиненные» или «Офисные войны»? Нет, там же сказано черным по белому: «Жан-Поль Сартр». Значит, настоящая классика.

От необходимости думать о глубоком смысле послания Светы меня спасает звонок Татьяны – моей начальницы.

– Сашенька, – говорит она, – мне только что Виктор Алексеевич звонил, просил ускорить одно дело. Я его тебе рас-

пределю, хорошо? Остальные можешь до завтра отложить.

– Конечно! – отвечаю я приветливо и доброжелательно, как указано в моей должностной инструкции заместителя начальника отдела по работе с VIP-клиентами Департамента комплаенс-контроля. – Через полчаса буду в офисе и сразу за него возьмусь.

Так, мой замечательный план начинает трещать по швам, а ведь не прошло и двух минут после его утверждения. Придется дело Сердобольного отложить. Вместо него рассмотрю дело Виктора Алексеевича – директора нашего департамента, и планы мои останутся нетронутыми. Я же говорила, главное – это разумно спланировать! Одухотворенной бабочкой лечу через Большую Полянку и поворачиваю налево к цветочному магазинчику. В кармане снова надывается «Титаник». На этот раз голос Селин Дион сменяется низким баритоном Вячеслава Морозова – нашего менеджера, дело клиента которого я как раз уже отложила в толстую папку под названием «Завтра». «Не бери трубку! – шепчет внутренний голос. – Не бери!!! Пошли его к черту, иначе все планы туда полетят!» Ладно, сделаю вид, что обедаю и ничего не слышу.

– Александра, добрый день! – голос Славика гремит над моим ухом. Я вздрагиваю и смотрю на него, как на айсберг, догоняющий «Титаник». Славик слащаво улыбается и тянет каждое слово, как режиссер кадры фильма перед тем, как отпустить жертву в пучину ледяного океана.

– Добрый день, Славик! – отвечаю я, ощущая, как мой

прекрасный, только что положенный на бумагу план уже коснулся холодной воды и буквы на нем расползаются синей паутинкой. – Что ты здесь делаешь?

– Тебе звоню, Александра, но ты, видимо, на обеде.

– Точно, – скептически цежу я.

– Я вижу, ты очень торопишься, поэтому я сразу к делу, – Славик бодро семенит за мной. – Александра, дорогая, пожалуйста, ускорь дело Сердобольного! Клиент очень просит! – голос у Славика такой плачущий, будто ему жаль жертву (то есть меня), но он ничего поделать не может – сценарий уже давно определен, и ничто не в силах его изменить.

– У меня сегодня и без того аврал. У Татьяны ещё день рождения.

– Александра, ты же знаешь, я в долгу не останусь!

– Ничего не обещаю, – я вздыхаю, зная, что он теперь не отстанет.

– Но посмотрю, что можно сделать, – с улыбкой заключает Славик.

– Ты говорил, что это дело категории «В»?

– Да, много времени не займет! – Славик радуется и спешит распрощаться, пока я не передумала.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать, – отвечаю, лишь бы отделаться от него.

Категория «В». Желудок сладостно стонет, будто я ему обед пообещала. Как у парашютиста перед прыжком или у игрока на рулетке, который идет ва-банк. Раньше у ме-

ня такое чувство было, когда я почти проверяла в ожидании письма, которое изменит мою жизнь. Теперь мне от писем под стол спрятаться хочется: ускорьте, посмотрите, снова ускорьте, перепроверьте, сверхсрочно! Поэтому для улучшения настроения я вместо писем думаю о делах новых клиентов. Мы проверяем каждого крупного вкладчика. Конечно, не Цукерберги, но Цукергорки и речки с молочными берегами попадают регулярно. Пускаем, правда, не каждого – репутация банка дороже.

В руках покалывает от волнения: каждое дело – отдельная человеческая судьба. Одна может быть незатейливой, как буква «А». Мы их так и называем – категория «А», «мальчиши-кибальчиши». Жизнь их успешна и предсказуема. Выпускники престижных вузов со стремительной карьерой, два-три языка, диплом с отличием, хорошее место в престижной компании. 2-НДФЛ с зарплатой и бонусами, других доходов нет. Если менеджер говорит «А», то ты знаешь, что проверка займет не больше часа.

Другие истории витиеваты и запутанны. Это категория «Б», так называемые «плохиши». Троечники с характером и склонностью к риску. Над их кейсами можно годами сидеть, но так до конца и не понять, как человек свои первые миллионы сколотил. Двадцать бизнесов, тридцать пять фирм, куча бумаг. Ничего не поймешь! А нам очень важно понимать, как он начал. Потому что как начал, так, скорее всего, и дальше пойдет. Их досье всегда интересно читать,

но, пожалуйста, только не сегодня!

Последняя категория «В» – наши любимые клиенты. Вежливые, интеллигентные, обходительные, немолодые. В годы перестройки они учуяли, куда ветер дует, накупили ваучеров, приобрели недвижимость, заводики, переоборудовали их и разбогатели. На склоне лет многие из этих «новых русских» продали свой бизнес и принесли деньги к нам, чтобы жить на проценты. Работы с ними немного, поэтому если потороплюсь с Сердобольным, то домой все равно успею.

Нежный цветочный запах щекочет нос. Я и не заметила, как оказалась в магазине. Из колонок журчит мелодия «Миллион алых роз». Неплохой маркетинговый трюк. Надо её дома Лёше почаще включать. Установлю себе такой рингтон. А ещё лучше «Ах, эта свадьба, свадьба»! Нет, не пройдет... Он же у меня психолог. Когда мы познакомились, я думала, как же это здорово! Приходишь домой, а там – психолог! Сделает тебе психологическую разгрузку, поговорит, расспросит, поймет, с любой проблемой поможет справиться. Год назад он мне действительно мне помог – вылечил от перфекционизма, точнее научил направлять мою склонность делать все идеально в нужное русло – в работу. Все великие люди были перфекционистами в своем деле. А как же иначе, если хочешь добиться успеха? И я не подкачала. За год дослужилась до места заместителя начальника отдела!

Но дома у нас не все так просто. Иногда, когда мы с Лёшей прогуливаемся, у меня вдруг нога начинает болеть и прихо-

дится останавливаться – прямо около витрины с обручальными кольцами! А один раз сердце так кольнуло (кольцо было просто невероятное по красоте), что Лёша начал расспрашивать меня о детских конфликтах, об отношениях моих родителей, бабушек и дедушек, не пережила ли я какую-нибудь серьезную душевную травму, связанную с браком или точнее с его отсутствием. Психолог – что с него возьмешь! Травма его интересует... Да я ее каждый день переживаю! Эту травму! У меня уже глаза болят смотреть в сторону женщин с кольцами на безымянном пальце правой руки. Скоро тик начнется. А он и не думает мне предложение делать!

– Что желаете? – полная розовощекая продавщица пылливо смотрит на меня. – Вы определились?

– Нет, ещё выбираю, – я оцениваю букеты, стараясь совершенно не обращать внимания на ее миниатюрное колечко с тонкой бриллиантовой ниточкой посередине. – Сделайте, пожалуйста, букет из красных роз, – добавляю я, совершенно не обращая внимания на ещё одну замужнюю, появившуюся в двери. Сегодня что ли забег от загса с финишем в цветочном магазине на Полянке объявили?

– Их только сегодня привезли! – продавщица улыбается.

– Спасибо! – отвечаю я, тоже улыбаясь. Из вежливости. На самом деле мне очень хочется гаркнуть на нее. Нет, конечно, не потому что она уже замужем, а потому что делает она все чрезвычайно медленно. Она думает, что если уже главную цель жизни достигла, теперь можно никуда не спе-

шить? Призываю на помощь все терпение, которое только может быть у человека со списком дел на сегодня, как у меня. Оно, однако, как влага на дне горячей скороварки, – начинает шипеть и клубиться паром, а продавщице все нипочем. Вытаскивает розочки по одной, чуть отводит руку от себя и любуется ими. Я конечно понимаю, что ей уже можно расслабиться, но мне-то ещё сегодня домой к семи нужно успеть! Очередь уже образовалась, а продавщица и не собирается включать «турбо-режим». Или у нее такого по природе не существует?

Поток моих мыслей прерывает Толик – коллега по работе. Он звонит и спрашивает, купила ли я цветы, а то они с Таней уже в мясном отделе и скоро выйдут из магазина. Не хотелось бы, чтобы именинница букет раньше времени увидела. Я уверяю его, что все будет в порядке. Я ещё никого никогда не подводила! Последнее я, конечно, не сказала, иначе бы Толик наверняка подумал, что я его упрекаю за то, что он забыл переложить подарки нам на 8 Марта с подоконника в холодильник, и вместо гордых съедобных роз мы получили бесформенную шоколадную массу в красно-зеленой обертке. Жалко было на них смотреть – на наших мальчиков. Нет, я никого не упрекаю и прилюдно не унижаю. Просто с тех пор организацией всех празднеств в нашем коллективе занимаюсь исключительно я. В том числе на 8 Марта! Когда всё держишь под своим контролем, тогда всё получается, как надо.

– Побыстрее, пожалуйста, – говорю продавщице, которая к моменту, когда, по моему плану, букет должен быть готов, лишь выбрала подходящие цветы. Кажется, горячий пар внутри меня сейчас вырвется наружу, как из пароварки, с громким свистом. С тревогой вглядываюсь в двери супермаркета, из которого с минуты на минуту должна выйти именинница Татьяна. В этот момент мне на глаза попадает женщина, которая корпела над букетом за отдельным столиком, когда я зашла. Оказывается, она свой букет делала, а теперь платит и уходит раньше меня!

– Извините! – говорю я продавщице. – Можно, я тоже сама попробую?

– Да, конечно! – она переключается на следующего покупателя. Уверенно беру цветы в руки и начинаю творить. Не знаю, сколько времени это длится, но даже продавщица присвистывает, когда видит созданное мною воздушное, нежное и в то же время торжественное чудо. Как раз то, что нужно для Татьяны!

Расплачиваюсь. Часы показывают 12.45. Что? Полчаса прошло? Как? Ладно, ребята уже наверняка прошли! Бегу со всех ног к пешеходному переходу, боковым зрением сканируя пространство. Ах, если бы я могла летать! Как в детстве. Когда-то, помню, во сне летала на работу – двухмоторным белым самолетиком с ажурным розовым бантиком на хвосте. Конечно, я была начальником. Самым главным, справедливым и великодушным. Прилетала посмот-

реть, как на стройке дела идут. Там работали разные человечки, которые всегда знали, что и как нужно делать. Я просто говорила им: «Нужно построить дом», и они строили. Ни на кого свою работу не сваливали, никого не подгоняли, вносили рационализаторские предложения и сами их же выполняли. А я летела дальше по своим делам. И никто не звонил, по пути на обед не догонял, планы не нарушал. Вот это была работа!

– Отличный букетик, девушка! – слышу знакомый голос сзади.

Я вздрагиваю.

– Алексей? – мой долговязый тополь стоит прямо передо мной в зелёной куртке, которую мы когда-то вместе купили. В тот день мы были уверены, что расстанемся навсегда, но всё изменилось, и теперь мы уже год, как живем вместе. Его мне только ещё не хватало встретить. – Ты что здесь делаешь?

– Бегаю за тобой. У тебя скорость, как у человека, который хочет сегодня к ужину успеть домой!

– Именно! Поэтому я лучше дальше побегу!

– Знаешь, – Лёша продолжает, будто и не слыша меня, – мне сегодня прекрасная идея в голову пришла. Если у нас вечером не всегда получается видеться, мы можем днем вместе обедать или прогуливаться. Сегодня установил, что от моей работы до твоей – всего лишь двадцать минут быстрым шагом! Если встречаться посередине, то получится десять!

Снова он со своими романтическо-рационализаторскими предложениями, которые совершенно не вписываются в мой деловой график. Днем – работа, ночью – личная жизнь. Мне так гораздо проще. По крайней мере, макияж не нужно каждые три минуты поправлять. Я выдавливаю улыбку. Он это, конечно, неправильно понимает, обнимает меня и целует в губы, чуть отклоняя назад. Как будто мы на съемках любовного фильма, а не посреди рабочей Москвы. Помаду опять размазал.

– Извини, Лёша, – я высвобождаюсь из его объятий и достаю пудреницу. – Очень рада тебя видеть, но у меня правда полно работы.

– Я понимаю, – он косится на мой букет.

– Это я Татьяне купила. У нее сегодня юбилей.

– Красивый!

– Сама оформляла!

– У тебя отличные навыки флориста! Сколько в тебе достоинств скрыто! – он держит меня за руку и с обожанием обводит взглядом. – Давай, постоим чуть-чуть? Давно не видел тебя при дневном свете!

– Извини, мне действительно нужно идти, – я пытаюсь высвободиться.

– Может быть, устроим как-нибудь романтический вечер на двоих? – не унимается он. – При свечах, раз уж при свете не удастся.

– Да, конечно! – я достаю ежедневник из сумки и сверя-

юсь с календарем. – Через две недели в воскресенье можно устроить. В это воскресенье в театр идем. Я тебе не говорила? Вот, говорю. А в субботу прибраться нужно, приготовить – родители приедут. Они всегда приезжают по субботам. Ты не забыл?

– Не забыл... – тянет он, тяжело вздыхая. – Ты знаешь, я давно уже хотел предложить...

– Привет! – слышу задорный голос...

В голове у меня раздается неприятный, оранжевого цвета сигнал: «Миссия не выполнена». Татьяна в облегающем коричневом кашемировом пальто и симпатичной кремовой шляпке стоит перед нами и счастливо улыбается. Над ней возвышаются головы долговязых Толика с Володей, а по бокам торчат большие белые пакеты с едой. Вся композиция напоминает Змея Горыныча в галифе, а я кажусь себе маленькой девочкой, которая из тех трех дорожек, которые ей предложила жизнь, сегодня выбрала неправильную.

– Привет! – отвечаю я, не зная, куда спрятать злосчастный букет. – А мы тут с моим молодым человеком встретились. Это Алексей!

– Красивые цветы! – Татьяна улыбается, многозначительно поглядывая на розы.

– Эти? Мне Алексей только что подарил. Он у меня такой романтик! Все время цветы дарит!

Я крепко прижимаюсь к нему, чтобы слова мои звучали убедительнее.

– Александра, как тебе повезло с молодым человеком! – не унимается Татьяна.

– Не то слово! – отвечаю я. – Всю жизнь о таком мечтала... Я многозначительно киваю на букет.

– Всегда пожалуйста! – Лёша подыгрывает, мило улыбаясь, а я еле сдерживаюсь, чтобы от злости сзади не ущипнуть его. Угораздило же его сегодня сюда гулять пойти. Лучше бы шел к моему Дню рождения готовиться. Наверняка, что-нибудь забудет, например, кольцо для помолвки, а мне перед мамой снова краснеть придется.

– Начальник нашего отдела, – представляю я Татьяну. – Выпускница Высшей школы экономики и МГУ, экономист и юрист в одном!

– Приятно познакомиться, – Алексей отвечает галантным поклоном. – Много о вас слышал. Только хорошего!

– Очень приятно, но простите! Нам нужно спешить. Ещё кое-что забыла купить к торжеству! Сашенька, ты мне потом с фуршетом поможешь?

Я киваю. Конечно, помогу. Кто же ещё, если не я.

Татьяна прощается с нами и ведет ребят к палатке с фруктами.

– Что мне теперь делать с этими цветами? – я укоризненно смотрю на Алексея. – Ты всё испортил...

– Я испортил? – его губы становятся тонкими, как всегда, когда он на меня обижается, но признавать этого не хочет. – Будем считать, что я тебе его к завтрашнему юбилею пода-

рил.

– Это плохая примета, – ворчу я. – Ладно, до вечера!

Вручаю ему цветы и, чуть не плача от досады, шагами Гулливера мчусь обратно в магазин. Придется свои платить. Хватаю более-менее приличный букет из пяти роз, оставляю плату у кассы и бегу обратно на работу. И надо же было ему сегодня пойти гулять! Кто сказал, что мужчины неромантичные существа? Мне попался какой-то слишком эмоциональный тип. Все время ему нужно на меня смотреть, любоваться, восхищаться, за ручки держаться. Как в детском саду! Зато когда мы вместе идем в магазин, он никогда не знает, нужно ли купить белого хлеба. А ведь он единственный, кто его ест!

Притормаживаю у перехода через Большую Полянку. Как на видео, прокручиваемом назад, рукава оттаявших рек снова наполняются людскими потоками. Офисные работники спешат занять места у экранов компьютеров. Лишь колонны машин время от времени разрезают поток, но как только впереди на перекрестке загорается красный свет, река снова соединяется и превращается в одну длинную, исчезающую в офисных зданиях темную ленту.

* * *

Домой в нашу съемную однокомнатную квартиру на северо-западе Москвы приползаю к одиннадцати. На столе стоят

праздничные белые тарелки, два больших бокала, бутылка с красным вином и куча оберток от шоколадных конфет. Лёша сидит, как деревянная фигурка Будды, на нашей сине-коричневой бархатной диван-кроватьи. Только не улыбается.

– Дорогой, – пытаюсь приободрить его поцелуем в щеку, – прости. Не день, а сплошной аврал! То одно, то другое! Как всегда, ты знаешь. Прости меня! Я на минутку под душ и сразу к тебе!

По пути в ванную собираю фантики от конфет. Снова он шоколад ест без меры. По-моему, уже несколько кило прибавил. Он, конечно, не признается, но я же вижу. Конечно, я за уважение и равноправие в отношениях, но всё-таки это несправедливая какая-то геометрия получается. Выбирала восемь кубиков, а получаю в итоге один шарик?

– Конфетки опять ел? – спрашиваю я приветливо и доброжелательно.

Будда молчит.

– Вкусные?

Он снова молчит. Обиделся, значит.

– Я сейчас приду! Никуда не уходи! У нас ещё куча времени до утра!

Он чуть заметно улыбается. Слава Богу, а то я уже подумала, он серьезно. Бегу под душ. Стою в позе горы (йогой тоже надо когда-то заниматься) и наблюдаю, как теплые струи стекают по телу. Да... Мне самой животик не мешало бы подтянуть. Проклятая сидячая работа! Хлопаю живот, как нашко-

дившего мальчишку. Может, он больше не будет? Решено, со следующего месяца записываюсь на спорт и каждое утро делаю зарядку. И от эклеров откажусь... С завтрашнего дня. Нет, завтра у меня День рождения! Тогда с послезавтра.

Чищу зубы, набираю в рот травяной бальзам, прикладываю к лицу теплую фланелевую рукавичку, растираю его по методу одного японского косметолога. Это, говорят, кожу делает более упругой и эластичной. У меня скоро она такая будет, что кто-нибудь ударит по щеке, а от нее рука отскочит и ему в лицо. К моей щеке придешь, от моей щеки и уйдешь! Что за глупость? Какие мысли только не придут под конец напряженного рабочего дня. Нужно побыстрее к Лёше. А то чувствую, веки начинают слипаться. А у него, наверное, как всегда, ещё куча планов на меня. Только вот почему они никогда с моими не совпадают?

Нет, с утра они совпадают, но к вечеру тают, как ледяные тропинки под апрельским солнцем, и текут куда-то совсем не в ту сторону, как было запланировано. Ладно, сейчас помедитирую. Освобожу голову от всяких глупостей. Может, сил прибавится, и ручеек зажурчит туда, куда надо? Медленно, капельку за капелькой стираю воду с гладких белых плиток в ванной и стараюсь ни о чем больше не думать. Была капелька, и нет ее, была, и нет, была, и нет ее опять. Был день, и нет его. Был, и нет. Был год, и нет его. Мы ведь с Лёшей уже год вместе прожили. Был он, и нет его... Он был, но будто его и не было... Туда-сюда... Что-то меня тошнить начина-

ет от таких мыслей. И всё-таки зачем Света мне эту книгу прислала?

Мне ведь спать пора. Завтра мне исполняется 25! Посуду нужно на работу принести, днем купить продукты для фуршета. А вечером Лёша сделает мне предложение. Я уверена – интуиция меня ещё никогда не подводила. Не зря же он всё сам предложил организовать!

Протираю раковину, поправляю полотенце на держателе до идеальной прямоугольной формы, выхожу и сажусь рядом с Лёшей.

– Боже, как же я устала! День рождения Татьяны. Несколько срочных кейсов. Одно дело такое сложное, что нам пришлось запрос о предоставлении дополнительных документов писать. И представляешь, мне кажется, что я этого клиента знаю. Как фамилию прочитаю, так подташнивать начинает, будто я к зубному на прием иду.

Вытягиваю ноги. Мышцы ноют.

– Когда будешь засыпать, уже в полусне, попробуй вернуться к ощущениям и, возможно, память доберется до нужных воспоминаний, – говорит Лёша, откладывая в сторону книжку «Мужчины и женщины с разных планет».

– Для работы читаешь? – спрашиваю я.

– Да, конечно, для работы, – он устало потягивается. – Или ты думаешь, мне тоже не с одной планеты?

– Нет, конечно, с одной! Мы даже из одной квартиры! Я рада, что у меня такой понимающий мужчина! – шепчу

я и прижимаюсь к нему. – Другие целый день суетятся, постоянно на других пытаются работу навешать, чтобы ровно в шесть улизнуть домой – боятся, что их будут дома ругать мужчины-эгоисты.

– Значит, кто-то всё-таки уходит вовремя? – спрашивает Алексей заинтересованно.

– Да. И представь себе, всё время одни и те же! А другим приходится за них работу доделывать!

– Я полагаю – тебе?

– Да... – многозначительно выдыхаю. – Ах, совсем забыла! – я вскакиваю и направляюсь к ванной. – Нужно ещё костюмы новогодние забросить в стиральную машину.

– Какие новогодние костюмы? Почему ты их стираешь? Ты что – жена Деда Мороза? – кричит он мне вдогонку.

– Лёша, ну что за глупости! У Деда Мороза нет жены! У него только внучка!

– Вот пусть она и стирает!

– Ну чего ты из-за такой ерунды кипятишься? Я сегодня в шкафу прибиралась – обнаружила эти грязные костюмы. И знаешь, я ещё в коробке любовную записку нашла!

– Что? – это слово он растягивает, как воздушный шар, перед тем, как тот должен громко лопнуть и разлететься на тысячу резиновых лоскутков.

– Да, представляешь! У нас на работе, похоже, кто-то роман крутит!

– Бог с ним, с романом. Меня интересует, почему ты

в шкафу прибиралась?!

– В шкафу? – не могу понять, почему его какой-то шкаф интересует больше, чем роман на работе. – У Татьяны был юбилей. Любому человеку хочется в юбилей чего-нибудь особенного, – здесь я делаю продолжительную паузу, чтобы Алексей ещё раз осознал, какое значение я придаю подготовке к дням рождения, в особенности к юбилеям. – Я решила ее рабочее место украсить, а кроме новогодних украшений ничего не было. Пока искала, заодно прибрала всё и разложила по коробкам. Если другие захотят что-нибудь украсить, теперь всё можно легко найти.

– Сердобольная ты наша!

Слово громом отзывается в моей голове.

– Ты меня упрекаешь?

– Нет, хвалю за экономию времени.

– У меня действительно было много работы. И ещё поздравляли Татьяну. Шеф приходил, потом вечером фуршет готовили.

– И убирались, наверное? – укоризненно добавляет он.

– Минут двадцать. Не больше.

– И цветы ты покупала, как я заметил?

– Да, конечно! Другим я это доверить не могу!

– И сама оформляла!

– Да я быстрее справилась, чем продавщица! Ты не представляешь, как она копалась! Каждую розу с минуту выбирала, нюхала, любовалась. Я думала, взорвусь!

– И фрукты для фуршета, наверное, ты резала? – каждый вопрос он произносит, как новый пункт обвинительного заключения.

– Какой ты смешной! Не всё же Татьяне делать в ее день рождения!

– Теперь подведем итог, моя сердобольная. Как минимум, пять часов рабочего времени потрачено не на работу. Одиннадцать минус пять – равно шесть вечера. Плюс один час на то, чтобы добраться до дому – время нашего ужина. Ву-аля!

– Ты упрекаешь! – меня будто разрядом электричества от него отбрасывает на край дивана. – И не называй меня сердобольной!

– А как же мне тебя называть? Сегодня ты не менее пяти часов занималась тем, чем заниматься по рабочей инструкции не обязана. Более того, по рабочей инструкции ты обязана этим не заниматься. Домой ты приехала около одиннадцати вечера, то есть если даже отнять час празднования дня рождения коллеги, то к ужину ты бы вполне могла успеть.

– Юбилея! – нервно поправляю я. – Неужели ты не наводишь порядка на работе? И не покупаешь цветов? Это в вашем-то женском коллективе?

– Порядок на работе я навожу, но только в своих папках, не в дед-морозовских. И цветы покупаю раз в год – на Восьмое марта. При этом не составляю их сам, а доверяю флористам. Остальное время я стараюсь эффективно работать,

чтобы в шесть освободиться и провести вечер дома с любимой девушкой.

Я теряю дар речи. Что случилось с моим психологом? Он превратился в самого обыкновенного мужчину-эгоиста? Брюзгу! Деспота! Он, наконец, открыл свое истинное лицо? Вот они – мужчины. Стоит только год с ними прожить, и все становится на свои места! Быт заедает! Все это мы уже проходили. Я вспоминаю Вадима, который ушел от меня как раз, когда мы прожили год вместе. Нет, Алексея я терять не хочу...

– Ну, хорошо, – я беру его руку и кладу себе на грудь. – Может быть, насчет уборки я погорячилась. Ты знаешь, как я равнодушна к беспорядку. Он нарушает равновесие у меня внутри, я потом работать не могу. Прости меня. Мир?

– Мир, – голос его смягчается, рука отклоняется от определенного мною места дислокации. Он ведет кончиками пальцев до живота и гладит вокруг пупка. Я какое-то время напряженно дышу, но он, как всегда, неправильно все истолковывает. Рука его движется дальше.

– Пожалуйста, не сегодня, – не выдерживаю я. – Никаких сил не осталось: ни на войну, ни на мир. Извини, так спать хочется. Ты знаешь, у меня такой момент бывает. Сначала много сил – деревья готова с корнем выворачивать, а потом вдруг глаза слипаются, будто клеем намазали. И потом я проваливаюсь и вижу себя свернувшейся двухтонным слоенком под этим деревом... Такая тяжесть... Вот сейчас

как раз...

Закрываю глаза, прячусь под одеяло. Завтра у меня День рождения! Неужели он на меня и в праздник будет обижаться? Если бы он знал, сколько я всего за день успеваю! И не будем забывать, мне за это хорошо платят. Гораздо больше, чем ему за его работу до шести. И если бы я не выполняла других обязанностей, меня бы заместителем начальника не назначили. Кто-то же и организацией праздников должен заниматься! Причем на должном уровне! Вот сегодня бы поздравили Татьяну, съели все, разошлись и забыли. А я Татьяне стихотворение сочинила! Теперь у всех в воспоминаниях останется! Думала, Лёше прочитать на ночь, но он сам виноват, что лишил себя такого удовольствия.

Я медленно погружаюсь в сон, вижу себя в нашем кабинете. Зачитываю оду Татьяне. Толик с Володей и даже Ангела смотрят на меня восхищенно и хлопают. Татьяна чуть не плачет от избытка чувств...

Самое время расслабиться, но этот Сердобольный не дает мне покоя. Лёша говорил, что нужно подумать о нём, когда буду засыпать. Где же я слышала эту фамилию? Сердобольный... Вроде благозвучная фамилия, а ощущения такие неприятные! Стоп! Я знаю! Лёша когда-то упоминал это слово. Мы тогда только познакомились! Сердобольный был его профессором! Он стучал на него отцу. Точно! Лёша учился одновременно на психологическом факультете и на сто-

матологическом. Для себя – на первом, для папы – на втором. Отец заставлял его, так как хотел потом передать Лёше свой бизнес – сеть стоматологических клиник в Москве. У этого Сердобольного с его отцом какие-то деловые отношения были. И ещё он следил за каждым движением Лёши на факультете! И когда Лёша ушел из университета, Сердобольный сразу сообщил отцу. Я подумала: «Вот гад!» Поэтому у меня такое нехорошее чувство возникало! Прямо тошнота! Хорошо, что я сегодня его не пропустила и запросила у Славика дополнительные документы. Чувствую, что-то там не то. Нельзя так просто пропускать это дело.

Глава 2

Мраморный пол блестит, черноглазые официанты улыбаются. Я нетерпеливо перелистываю страницы меню. Ну где её носит? Будто она не знает, что у меня сегодня времени в обрез. Сказала, что плохо себя чувствует и, возможно, вечером не придет, но поздравить бы хотела лично. Все-таки сегодня юбилей!

Я всех предупредила, что фуршет на работе начнем ровно в шесть, чтобы мне к восьми успеть в ресторан. Татьяна отпустила на два часа, чтобы я ещё успела продуктов закупить, но если Света через три минуты не придет, то я точно ничего не успею! Достая телефон, чтобы поторопить подружку, но в этот момент, она, будто услышав мои мольбы, появляется в кафе с огромным букетом. Господи! Как я с ним в магазин потащусь!

– С Днем рождения, дорогая! Желаю тебе всего самого хорошего! Подробнее я написала в открытке. Отдай Лёше на вечере, пусть он прочитает. И подарок, я надеюсь, подойдет. Из Италии привезла.

Света целует в щёку, в руке у меня оказываются цветы и небольшая голубая коробка, очевидно с нижним бельем. Я благодарю её и помещаю букет в вазу, которую предусмотрительно подносит официант, а коробку прячу в сумку. Света выглядит неважно. Темные круги под глазами и мелкие

морщинки в уголках, которых я раньше не замечала, несмотря на весь традиционно яркий макияж, выдают то ли бессонную ночь, то ли действительно болезнь.

– Что с тобой? Простыла? – спрашиваю, с беспокойством глядя на подругу.

– Кажется, отравилась. С утра мутит. Сейчас получше. Может, даже чего-нибудь поем.

Света подзывает официанта, и мы заказываем по комплексному обеду.

– Тошнота? – спрашиваю я, неловко улыбаясь.

Она вдруг замирает, в глазах ее появляется недоумение и даже страх, но тут же исчезает.

– Ты уже послушала? – холодно спрашивает она.

– Нет, руки не дошли. Почему ты мне ее прислала?

– Не обращай внимания, – Света на секунду останавливается, будто что-то обдумывает, и продолжает в несвойственной ей медленной манере. – На меня в последнее время находит. Я в субботу на семинаре одного гуру была. Меня после его слов на экзистенциализм потянуло. Хожу, ищу смысл жизни, но вижу только работу. Она – пока единственное оправдание моего никчемного существования.

– Что это за гуру такой, что людей в депрессию вгоняет? Может быть, тебе не на семинары ходить, а на свидания?

– Ты думаешь, что смысл жизни в спаривании?

– Ну зачем же так, – я морщусь, будто мне в капустный салатик, который принес только что официант, скипидару на-

лили, – смысл есть в отношениях, в любви...

– В любви? – Света отвечает с такой горечью в голосе, будто ей уже пришлось отведать этого блюда со скипидаром. – Любовь живет три года. Это в лучшем случае.

– А как же люди всю жизнь вместе живут?

– Маются, а не живут. Покажи мне хотя бы одну счастливую пару после трех лет, и я тут же выйду замуж и нарожаю кучу детей.

Я с решимостью оглядываюсь по сторонам, но кроме молодых людей в деловых костюмах никого не вижу.

– Всё-таки здесь все с работы на обед ходят. Не до личной жизни, – поясняю я. – Но в целом, они, конечно, есть.

– Например?

– Например, Наташа Ростова и Пьер Безухов.

– Это литературные герои, а ты мне в реальной жизни такую пару найди. Любовь, ты знаешь, если она есть, ее не спрячешь. Она везде: в глазах, в речах, в каждом дуновении ветерка, на работе и дома. Знаешь ты таких? Кто живут всю жизнь душа в душу и пылинки друг с друга сдувают? Кто действительно любит – так, что мурашки по коже. И не только первый год, а всю жизнь!

Пока моя голова перебирает подходящие варианты, Света продолжает:

– Можешь не искать. Таких нет. Природе нужно продолжение нашего вида. Любовь – это ловкий трюк, чтобы заставить людей размножаться. Вот и всё!

Что такое на мою оптимистку-Свету сегодня нашло?

– Может, тебе просто выспаться нужно? – я протягиваю к ней руку и осторожно глажу по рукаву жакета. – Поешь? У меня Лёша тоже, если голодный, сразу ошибки в моем детстве искать начинает. А потом ничего, сидит Буддой на диване и читает.

– Да, наверное, ты права, – она достает из сумочки пудреницу и смотрится. – Устала. Новый проект заканчиваем. Домой в двенадцать возвращаюсь. А тут ещё это недомогание. Каждый раз себя спрашиваю: зачем я это делаю с собой? Ведь в любой день могу уволиться и найти другое место – поспокойнее.

– Ты думаешь, что уйти – это выход?

– А ты думаешь, выход – это не уйти?

Света совсем сбивает меня с толку. Куда она собралась уходить? Что это у нее за кризис такой среднего возраста? Нам ведь всего по 25!

– Прости, что-то я всё о себе. Вечером празднуете в Дантесе, где я вас тогда познакомила? Как у вас с Лёшей?

Зачем она напоминает, что нас познакомила? Света ведь когда-то выбрала Алексея для себя, но он решил по-другому.

– Все хорошо, – отвечаю. – Вот решили ребенка завести.

– Что? – у Светы изо рта выпрыгивает кусочек ржаного хлеба, который она только что осторожно туда положила. – Ребенка? – она восклицает так громко, что несколько посетителей с соседних столов смотрят на нас, будто мы пароч-

ка нетрадиционной ориентации, которая только что узнала про незапланированную беременность одной из них.

– Мы ещё ни о чем не договаривались, – шепчу я. – Это я решила, но думаю, он будет не против.

– Подожди...

Света вскакивает и убегает. Вот эта реакция на нашего ребенка... Возвращается обратно, грудь ее тяжело вздымается. У нее одышка, как у старика, который на Эйфелеву башню забрался.

– Может тебе ко врачу сходить? – я начинаю по-настоящему беспокоиться.

– Не обращай внимания! Само пройдет. Так что там с вашим ребенком?

– Я думаю, это хорошая идея. Знаешь, у нас с Лёшей в последнее время трения. Небольшие совсем, но я пришла к выводу, что пора предпринять меры. Он говорит, что я слишком поздно домой прихожу, внимания ему не уделяю. Поэтому я решила сделать шаг конем. Женщине на восстановление отношений с молодым человеком законодательством ничего не полагается, а на ребенка – 70 дней до родов и 70 после. Думаю, нам за глаза хватит, чтобы восполнить недостаток общения! Ребенок нас сблизит. Все равно его нужно когда-то рожать. В Интернете пишут – никогда не наступит подходящего момента. Нужно просто решиться и родить.

– Ты думаешь?

– Конечно. Ну и пожениться придется, наконец, –

я невольно улыбаюсь.

– Ах, теперь мне все понятно! – Света хохочет так громко, что посетители снова оборачиваются. Я не знаю, куда деваться сегодня от стыда за неё.

– Ничего я не задумала! – бормочу я. – Потихе, пожалуйста. На нас смотрят. Ну а насчет женитьбы – я его ни к чему не принуждаю. Он сам женится...

– Конечно, куда ему деваться, если ты ему про ребенка объявишь!

– Зачем ты такое вообще говоришь? – я хмурюсь. – Ведь можно ребенка и без женитьбы завести. Сколько людей заводит!

– Но только не ты, – Света продолжает хохотать, а потом вдруг становится серьезной. – Александра, пожениться – это прекрасно! Всегда можно развестись, если вдруг характерами не сойдетесь, но ребенка потом обратно не отдашь – это на всю жизнь! Ты вообще знаешь, что это такое? Я на первом курсе няней подрабатывала. До сих пор отойти не могу! С ребенком даже в туалет нельзя спокойно сходить! Он тебя за полдня загоняет так, что ты после обеда на диван падаешь. Думаешь, пока он спит, и сама отдохнешь. Но он не спит! Он ждет, когда ты вырубись и разрисует тебя фломастерами. Потом всю ночь будешь отмываться, чтобы в университет в нормальном виде прийти, но даже если получится, пойти все равно не сможешь, потому что он тебя чем-нибудь заразит! У меня на работе знаешь сколько таких

работниц, которых я только на корпоративных праздниках вижу? Все остальное время или ребенок болеет, или они сами. Ребенок делает твою жизнь абсолютно непредсказуемой! Ни поработать, ни поспать, ни в ресторан сходить, ни в туалет. Тебе это нужно? У тебя на Лёшу времени не хватает. А что ты собираешься своему ребенку отдавать? Число со знаком минус?

Не понимаю, что на нее сегодня нашло? Я с ней, как с подругой поговорить хотела, а она сидит, как индеец из племени Майя, который все истины на будущее знает...

– Но ведь все как-то детей рожают и воспитывают, – недоумеваю я. – Не понимаю, чего ты так кипяتيشся? И те, кто университетов с красными дипломами не заканчивал, справляются. Я уверена, что у нас с Лёшей все получится. В отношениях нельзя на одном месте стоять. Нужно двигаться. Я считаю, что сейчас для нас самый подходящий момент настал.

Света качает головой и подзывает официанта. Просит его поторопиться, а потом молчит, что-то проверяя в смартфоне. Упорное нежелание ее разделить мою точку зрения крайне раздражает. Она же не мужчина! Мне не нужны сейчас аналитические умозаключения. Функция Светы, как лучшей и единственной подруги, сводится к тому, чтобы выслушать и поддержать. А она набросилась на меня, как медбрат на буйного.

Официант приносит тарелки с куриной лапшой. Суп ды-

мится. Света морщится и отодвигает, а я какое-то время сосредоточенно дую.

– Знаешь, – первой не выдерживаю я, – может быть, у тебя детство не очень счастливое было, поэтому ты не хочешь детей?

– А у тебя оно счастливым было?

– Даже если и нет, мы можем всё сделать по-другому! Мы можем все исправить! Для этого нам жизнь и дана.

– Ты действительно так думаешь? – Света смотрит в окно.

– Конечно! – подхватываю я. – Это же так здорово! Маленькие улыбающийся ребенок! Я уже на несколько блогов мамских подписалась. Научусь за это время рисовать. На гитаре играть! Колыбельные петь! Английский можно до совершенства довести! Французский выучить! На все время будет! Целых 140 свободных дней!

Достаю ежедневник и записываю на последний лист все перечисленные планы.

– Знаешь, у меня последнее время память плохая стала, – комментирую. – Приходится все записывать. Наметила себе сначала на курс по улучшению памяти, а потом ещё какой-то... Вот снова начинается...

– А упадка сил нет? – спрашивает Света озабоченно. – Утром голову от подушки не оторвать, после обеда начинаешь всех тихонько ненавидеть, а во время секса считаешь овечек, чтобы потом на засыпание времени не терять?

– Нет, до овечек я ещё не дошла, – я смущённо улыба-

юсь. – Я просто сразу засыпаю. А что, у тебя тоже такое было?

– Да, это предвестники «бёрн-аута», – отвечает Света. – У меня тоже такое было. После года ударной работы стала важные вещи забывать, утром встать не могла. Пришлось меры принимать – к психологу походила, на йогу, эмоций добавила, и все стало на свои места. Слушай, а может быть, тебе просто отдохнуть нужно? Добавить осознания, чувств, эмоций. Съезди в отпуск, запишись на курс вышивания крестиком, прыгни с парашютом, с Лёшей устройте ночевку в палатке на морозе – что-нибудь, что можно начать и закончить. И жизнь снова начнет бить ключом! Зачем сразу ребенка?

– Развлечений нам хватает. Книжки я слушаю, на выходных в музеи ходим. С Лёшей у нас все не так плохо. Это недопонимание мы разрешим, я уверена.

– А что дальше? – Света останавливается и смотрит мимо меня в окно.

– Что дальше? Поженимся. Ребенка родим. Будем воспитывать. Как все делают.

– И это то, о чем ты будешь вспоминать в последние минуты жизни? Это та жизнь, о которой тебе захочется вспомнить? Та жизнь, о которой было не стыдно книгу написать?

– Я не знаю. Я об этом как-то не задумывалась. Нам ведь всего по двадцать пять! Ещё столько всего можно сделать! Вот смотри, – достаю из сумки распечатанный из Интернета список того, что обязательно нужно успеть в этой жизни,

из 76 наименований и кладу перед Светой. Сегодня из «ВК» выудила. – Сказано, что если испытал хотя бы половину из списка, то жизнь, считай, прошла не зря. Ну, а если больше половины, то садись и пиши книгу!

– Первое, – читает Света, – поплавать с дельфинами. Второе – заняться любовью в кинотеатре. Совершить кругосветное путешествие на яхте. Нет, это не для меня, – она отодвигает список в сторону. – Может быть, это все кому-то придаст в жизни смысла, но не мне.

– А что же тогда? – спрашиваю я.

– В этом вся и проблема. Я знаю, что не это, но не знаю, что!!! От этого и тошно! В общем, насчет планов на горластое будущее всё-таки поговори сначала с Лёшей.

Света смотрит на часы.

– Обязательно поговорю! – соглашаюсь я. – Хотя иногда мне кажется, что разговоры только всё портят. Вчера мы с ним поговорили и что? Поссорились. Долгие разговоры – это уже прошлый век. Мир не стоит на месте. Сегодня совсем другое общение – краткое, содержательное, невербальное. Два слова, три смайлика – и все понятно.

– Да, – скептически тянет Света, – не с полуслова теперь друг друга понимаем, а с полурожицы. И любовь тоже такая – невербальная...

Спорить со Светой сегодня явно бесполезно. Достāju телефон и пишу Алексею: «Как ты?» Добавляю три поцелуйчика и отправляю. Жду ответа, но его нет. Даже после того,

как мы со Светой в напряженном молчании съедаем на горячее котлету с овощами, то есть я съедаю, а Света отодвигает. Даже после «Тирамису» на десерт он продолжает играть в молчанку.

– Похоже Лёша на меня вчера по-настоящему обиделся, – я нервно ерзаю на стуле.

– Может быть, просто он в метро едет? В центре плохо ловит.

– Он же сейчас на работе должен быть.

– Не волнуйся, – в голосе Светы, наконец-то, слышатся нотки сочувствия. – Вечером все равно помиритесь. У тебя сегодня всё-таки юбилей! Прости, что не смогла сейчас создать тебе праздничного настроения...

Мой телефон пищит.

– Он? – спрашивает Света.

– Нет, – отзываюсь я. – Мама поздравляет. – А Лёша не отвечает.

– Позвони ему, – говорит Света.

Я медлю. Последний разговор с моим бывшим молодым человеком научил меня не тыкать пальцем в нарывающий фурункул.

Наш черноволосый официант приносит счет. Света вкладывает в кожаную папочку свою половину, одевает шикарную коротко стриженую норковую шубку с широким ремнем с камешками от «Сваровски» и уходит, сославшись на какое-то срочное дело. Я снимаю с вешалки серое пальто

от Karen Millen и запускаю руку в карман в поисках кошелька. Вкладываю в счет нужную сумму. Официант забирает папку. В ожидании сдачи прохожусь второй рукой по другому карману. Внутри все холодеет. Любовной записки, которую я вчера нашла в новогоднем картоне, нет. Я точно помню, что вчера переложила ее из кармана жакета в пальто, чтобы по пути выкинуть и забыла!!! Чертова память!!!

Перед глазами проносится странный ночной сон. Я видела Пьера Безухова в костюме Деда Мороза. Приставляя пенсне к переносице, он взволнованно шептал про бумажку, которую нашел в коридоре. Что-то про встречи, про любовь... Это был никакой не Безухов. Это был Алексей! Он нашел записку! На полу, он сказал! Значит, выпала у меня из кармана, когда я перчатки доставала, чтобы посушить. Он ее прочитал! Возможно, он подумал, что это моя. Хотя я ведь ему говорила, что у нас на работе кто-то роман крутит. Не факт, что он это услышал и правильно понял! А что, если он заподозрил меня в измене?! Сценарий нашего разрыва тут же проносится перед моими глазами.

Алексей застает меня в постели с каким-то мужчиной. Ведёт себя тихо, как подобает рассудительному психологу. Мы ничего не слышим. Сосредоточенно занимаемся своим делом. Алексей достает из шкафа арбалет. Спрятавшись за косяком, ждет, пока наши тела соединяются в одно целое, и хладнокровно пускает стрелу. Она пронзает меня насквозь и моего любовника. Мы корчимся от боли. Алексей подхо-

дит, чтобы удостовериться в точности выстрела, и шепчет: «Помнишь, я тебе говорил, что убью нас обоих, если ты мне изменишь?» Я хриплю сквозь струящуюся по горлу кровь, что, может быть, мы ещё все уладим миром, это же его профессия – конфликты улаживать, но он не слушает, а только усмехается: «Я убью только вас! Зачем мне умирать?»

Подошедший официант вырывает меня из сумасшествия мыслей. Я отдаю ему папочку с деньгами и выхожу на улицу. Спускаюсь по лестнице – той самой лестнице, на которой мы познакомились с Лёшей. Все было не так романтично, как голливудских фильмах: он огрел меня дверью, и тогда, если опустить некоторые подробности, мы поняли, что созданы друг для друга.

Это ужасно! Волосы дыбом встают от тех мыслей, которые могли прийти в голову моему любимому человеку. Да нет же! Он не способен на убийство! Глупость несусветная! Мы с ним когда-то смотрели художественный фильм. В нем жена с любовником лежали в постели, а муж стоял, за косяком с арбалетом в руках и все слышал, но не решался открыть дверь. Потом он-таки ушел, в отчаянии бросив оружие в сторону. Алексей был разочарован безвольностью героя и сказал, что он бы на его месте обязательно выстрелил и ещё подождал бы, пока любовники друг на друга лягут, чтобы потом по сторонам не разбежались, гады.

Я тогда вместе с ним посмеялась, потому что даже в страшном сне представить себе не могла, что мы можем

попасть в такую ситуацию. Это означало, что я должна была оказаться в роли изменницы. Это могло случиться гипотетически, с какой-то другой женщиной из его жизни до нас, но не со мной. Это исключено. Я бы никогда ему не изменила! Так почему я вообще об этом думаю? Ну и что из того, что около моего пальто он нашел какую-то любовную записку?

– Ты сомневаешься во мне? – выпаливаю ему в трубку.

– Нет, – его голос пугает меня своей отстраненностью.

– Почему ты не отвечаешь на мои смс?

– Я занят, – отвечает он, не меняя тона. – У меня важная встреча. Встретимся вечером в «Дантесе»

– Хорошо, – отвечаю я.

– До вечера.

Голос у него такой ледяной, что у меня внутри все холодеет.

– Подожди, – кричу я в отчаянии, – я должна тебе объяснить про записку. Она не моя. Я же тебе говорила вчера. Я нашла ее на работе, в новогодних украшениях, когда убиралась. На работе кто-то крутит роман... Я же тебе говорила.

Я выдыхаю и жду его реакцию, но на мои позывы из трубки никто не отвечает, слышится музыка. Видимо, ему кто-то поважнее меня позвонил. Мой услужливый мозг (дай Бог ему всегда такой памяти) тут же сообщает, что меня так уже когда-то «подвешивали», и закончилось это совсем-совсем нехорошо.



Возвращаюсь на работу в смятении чувств. Света меня не поддержала, ладно хоть букет согласилась до дому довести – не пришлось его на работу вместе с продуктами для фуршета на себе тащить. Алексей того и гляди бросит меня на почве ревности. Эмоций мне в жизнь нужно добавить. А мне кажется, без них жилось бы намного спокойнее. Сейчас бы пришла на работу и взялась за очередное дело. Выполнила его, как полагается. А так опять буду думать про Лёшу, бросит он меня или нет, про Свету, почему она сегодня такая странная была. Потом буду жалеть, что так много съела, на погоду сетовать, что работать невозможно. Тучи висят так низко, что, кажется, поднимись на крышу нашего бизнес-центра, и можно в них голову спрятать. Как в детстве: оденешь на себя шапку по самую шею и представляешь, что если ты никого не видишь, то и тебя тоже никто не найдет. Только теперь так просто спрятаться не получается. Разве что за пакетами с едой. День рождения, называется. А ведь я планировала, что это будет самый замечательный день моей жизни! Даже тарелки настоящие для празднования пригнала – не пластиковые, и блюда, и серебряную лопаточку для торта... Нужно все кейсы уладить, чтобы к шести стол был готов.

Первым делом бегу к Татьяне – ее с утра не было.

– Татьяна, у меня новые данные по делу Сердобольного.

– Вячеслав прислал подтверждение доходов? – Таня поднимает на меня глаза, и я замечаю в них грусть, даже отчаяние, как у Светы за обедом. Сегодня что, полнолуние или другое природное обострение?

– Нет пока, но я вчера вспомнила кое-что, – продолжаю я. – Этот Сердобольный был в университете преподавателем моего молодого человека. Он про его учебу докладывал отцу. Папа у Лёши владеет сетью стоматологических клиник. Лёша когда-то говорил, у его отца с этим Сердобольным были особые доверительные отношения. Возможно, что это «черные» деньги с клиник, раз у него других подтверждений их легальности нет.

– Возможно, но у меня в связи с этим другой вопрос, – голос Татьяны становится тихим, едва слышным. Так происходит всегда, если она чем-то крайне недовольна. – Почему ты все ещё занимаешься этим делом?

– В смысле?

– Здесь же конфликт интересов! – негодует Таня. – Ты – заинтересованное лицо!

Я на секунду замираю и краснею, будто мне только что оплеуху отвесили.

– В чем я здесь заинтересована? Лёша со своим отцом уже год, как не общается. Только с мамой иногда. Я ему ничего не говорила. Всё сама вспомнила.

– Как бы то ни было, передай это дело Володе, пожа-

луйста, – отвечает Татьяна, будто не слыша моих объяснений. – Ему ничего не рассказывай. Пусть он сам разберется, как беспристрастное лицо.

Таня делает особое ударение на предпоследнем слове. Как под дых без предупреждения. Беспристрастное лицо... Я глотаю комок, подступивший к горлу, и обреченно бреду к столу Володи. Сердце колотится от несправедливости. Как так? Отдать дело, на которое я два дня потратила! И Володя, не зная всю подноготную, обязательно пропустит его. А потом вскрыется отмывание денег сети клиник Эдуарда Вишневого. Папу Лёши посадят в тюрьму и конфискуют имущество! Имя нашего банка попадет на первые страницы газет. Журналисты раскопают, что невеста сына преступника (а к тому времени, возможно, уже жена с ребенком) работает в этом банке. Кто будет разбираться, что я мужественно пыталась не допустить этого человека в нашу систему? Из меня сделают козла отпущения и уволят. Скажут, что они все в сговоре. Репутация банка будет подмочена. Возможно, он даже обанкротится. Меня арестуют и привлекут к материальной ответственности. Мне не на что будет оплатить долг, и я попаду в тюрьму. Наш ребенок останется без матери! И потом сам никогда не захочет иметь детей! Наш род прервется... Нет, такого никак нельзя допустить!

Передаю папку с бумагами Володе, но глаз с нее не спускаю. Нужно что-то предпринять. Намекнуть ему в личном разговоре, чтобы присмотрелся к этому Сердобольному? Та-

не это не понравится. Она сказала, ничего ему не говорить. Рассказать все Лёше? Нельзя, мы не имеем права разглашать такую информацию. А если этот Сердобольный действительно ворует деньги у Лёшиного отца и несет в наш банк? Что же мне делать?

Просматриваю электронную почту. Во входящих – письмо от Татьяны. Завтра – тренинг по «Тим-билдингу». Принесла его нелегкая. Лучше бы тренинг по восстановлению памяти провели или про «берн-аут»! Зачем нам «командообразование»? Никакой потребности устанавливать дружеские отношения ни с Анжелой, ни с Толиком у меня не возникает. Разве что с Володей... В связи с новыми обстоятельствами. Господи, как снова Лёше говорить, что я приду поздно? Где мой эклер?

К шести начинаю приготовления к фуршету. Белой льняной скатертью накрываю стол. До пола оставляю пять сантиметров – по всем правилам этикета. На середину ставлю вазу для цветов, которые мне, надеюсь, ещё подарят. Справа – соки и минеральную воду в бутылках этикеткой к краю стола. На первой тарелке оказывается десяток печеных розеток с салатом «Оливье», на второй – рыбный салат. На третью тарелку кладу миниатюрные бутерброды с семгой. Для этого пришлось пойти на хитрость: гренки сделать, которые полагаются в таком случае, у меня не было никакой возможности, поэтому я запекла на кухне в тостере несколько кусочков хлеба, порезала его, намазала маслом, положила сверху

скрученную семгу, кусочек лимона и проколола шпажкой.

Одно блюдо наполняю до краев красной икрой – пусть каждый берет столько, сколько пожелает. Затем наступают очередь вазы с фруктами. Через полчаса приготовления (с походом в магазин, прошу учесть) стол выглядит, как шведский стол в «Рэдисон-Славянская». В центре торжества – нарезанный торт с серебряной лопаткой из семейного антиквариата! Тарелки блестят! Красота! Все руки с утра оттянула, но оно того стоило!

У меня всё готово. Ждем Татьяну – она у шефа. Анжела нетерпеливо поглядывает на часы. Сегодня ей никак в шесть улизнуть не удастся. Татьяна возвращается от шефа в начале седьмого. На ней лица нет. Того гляди заплачет! Такой потерянной я ее ещё никогда не видела.

– Что случилось? – шепчу я.

– Прости, Александра. Прими мои искренние поздравления, но мне сегодня не до празднования, – объясняет она, собирая подрагивающими руками бумаги на столе. – Анжела, замени меня, пожалуйста.

Анжела достает цветы из-за занавески, подарок и бойко, как пионер на линейке, произносит стандартную речь. Ребята торопливо разливают вино по бокалам.

– Вы что, тоже хотите побыстрее уйти? – спрашиваю я.

– Да, прости, у нас важная встреча, – отвечает Толик.

– И очень срочная, – добавляет масла в огонь Володя.

– А я, Александра, ты знаешь, всегда в шесть ухожу.

Я и так задержалась. Извини, – Анжела допивает вино, закусывает бутербродом с рыбой и, виновато улыбаясь, удаляется.

– Ребята, ну вы хоть поешьте, – я растерянно развожу руками.

– Да-да, но у нас в семь встреча, – отвечают они в один голос. Мы думали, в шесть начнем празднование, но видишь, не получилось. Извини, нам нужно идти. Очень торопимся.

Ребята запихивают в рот по бутерброду с рыбой и оставляют меня совершенно одну.

– Как же так? – шепчу я, опускаясь на стул.

Изо всех сил стараюсь не заплакать. Я так старалась! Я накрыла идеальный стол! А они все ушли. У меня же сегодня юбилей! 25 лет! Один раз в жизни бывает!

– Александра? – в проеме двери появляется хмурое лицо Виктора Алексеевича. – Где Татьяна?

– Она ушла.

– А где остальные? Почему вы одна? Что случилось?

– Всем некогда. У всех свои дела.

Слезы текут. Господи! Не хватало ещё реветь в свой День рождения! Да ещё в присутствии Виктора Алексеевича! Прекратить потоп! Это заместителю не положено! У меня все хорошо! У меня все прекрасно!

– Не расстраивайтесь, Александра, – Виктор Алексеевич подходит ко мне и протягивает руку, чтобы я встала. – Давайте я с вами выпью. Вы так замечательно все накрыли,

как в лучшем ресторане! Поздравляю, Александра, – говорит он и чокается со мной. – Я заметил, вы всегда все стараетесь идеально сделать. Не обижайтесь, если другие этого не ценят. Просто каждый хочет, чтобы его собственная жизнь была идеальная. До идеальности других нам порой наплевать... Не принимайте близко к сердцу. Вы, наверное, празднуете сегодня ещё с друзьями и близкими?

– Да, в Дантесе, в восемь.

– Уже половина восьмого! Давайте, я вас отвезу. Мне по пути.

– Спасибо! – отвечаю я и бегу на кухню с блюдами в руках.

Новый джип «BMW» мчит нас по закоулкам, о существовании которых я даже после школьного курса москвоведения не догадывалась. Шеф, как заправский гид, поворачивает то направо, то налево. В одном из переулков недалеко от нашего бизнес-центра я вижу, как мне кажется, Таню. Пальто ее и шапка, только тело неестественно сгорбленное – будто у дряхлой старухи. Я вопросительно смотрю на шефа, но он, видимо не заметив её, проезжает мимо, не снижая скорости, и доставляет меня к двери «Дантеса», когда часы на приборной панели показывают ровно 20.00. Я за это время успеваю привести себя в порядок. Сделаем вид, что мой День рождения сегодня только начинается! И не будем забывать о предстоящей помолвке! Даже не знаю, чему больше радоваться! Внутри все улыбается – теперь можно заходить.

В ресторане все уже собрались. Алексей возвышается то-

полем, как тогда, на том самом месте, где мы познакомились. Рядом с ним, справа двумя чуть пожухшими фикусами жмутся друг к другу мои родители. Сколько раз я им говорила: «Давайте купим вам что-нибудь современное!» А они: «Зачем, если старая одежда ещё не износилась?» По левую руку – рассадник наших знакомых семейных пар. Светы нет.

Алексей замечает меня и, радостно улыбаясь, подходит. Целует, помогает раздеться и, как заботливый садовник, для которого настал самый важный день его жизни, ведет в созданную им оранжерею. Значит, никаких обид. Всё в порядке.

– Надеюсь, здесь только те, кого ты действительно хотела бы видеть в такой торжественный день? Света не сможет прийти. Заболела.

– Я знаю, мы встречались сегодня днем.

Он волнуется. Руки его, обычно теплые и крепкие, чуть дрожат. Он сжимает мои пальцы, будто пытаюсь впитать мое тепло. Я благодарно ему улыбаюсь и громко всех приветствую. Приглашенные, как по команде, дружно поют «Happy Birthday», даже родители, которые на английском с роду не говорили. Пока Лёше за подготовку «отлично»! Папа хлопает в ладоши, остальные подхватывают. Призываю окончить хоровые пения – посетители с других столов начинают коситься.

– Спасибо большое! Очень рада вас всех здесь видеть. Даже несмотря на то, что я Лёше раз сто позвонила за по-

следнюю неделю, чтобы узнать, не забыл ли он чего, все это для меня большой сюрприз, – я, улыбаясь, смотрю на моего суженого. – На этом предлагаю официальную часть поздравлений считать закрытой и приступить к неофициальной.

Я показываю на накрытый стол.

– Насчет еды согласен, – подхватывает Алексей, – а вот официальную поздравительную часть мы только начали.

Говорили много и торжественно. Мне даже не верилось, что это всё про меня. Лёша зачитал поздравление Светы: о моем подвиге в институте, когда она заболела заразной болезнью, и все от нее отвернулись, а верная подруга (то есть я) продолжала носить ей домой материалы лекций и семинаров, пусть и в ватно-марлевой повязке. Родители после этой речи растрогались и не смогли говорить. Мама замахала рукой, показывая, что они пропускают. Папа сделал над собой усилие и взял слово. Он признался, что сначала хотел мальчика, но потом, когда родилась я, ни разу не пожалел о дочери. Ни один сын не приготовит того, что могу я. Он рассказал про мои воскресные блинчики, про котлеты по-гречески и ещё про сотню рецептов, которые я на нем испробовала, прежде чем съесть самой. Этого он, конечно, не говорил. Да и не знает до сих пор. Ну и что, если он любит участвовать в моих кулинарных экспериментах, а мне легче новое приготовить, чем попробовать? Всё боюсь, не удалось, а после папы как-то легче.

После горячего продолжили с новой силой. Приглашен-

ные говорили и говорили, а я думала, ну как же не жениться на такой девушке? Друзья Алексея отметили, что знают меня недолго, но исключительно с положительной стороны: скромная, опрятная, усердная, прекрасно готовит и дома царит идеальный порядок. Мама от этих слов прослезилась по второму кругу и снова пропустила. Я шепнула папе, чтобы он ей больше не наливал.

В какой-то момент Алексей делает знак официанту. Свет над нами гаснет и зал освещается огнями 25 свечей. Официант ставит на стол большой квадратный торт с толстым слоем масляных розочек. В самом его центре огромными розовыми цифрами выведено «25», а чуть ниже – «Поздравляем!» Не совсем, конечно, так, как я просила, ну да ладно. Не будем придираться к мелочам. Главное, что он мне сегодня предложение сделает.

Лёша многозначительно смотрит на меня. Значит, всё-таки в торте. Не мог что-нибудь более диетическое придумать? Я стараюсь мило улыбаться, а внутри у меня все переворачивается от мысли, как я буду выедать из этого скопления масла, бисквита и творога кольцо – я ведь жирное не переносю.

В браке, я знаю, приходится идти на жертвы. Но чтобы на такие! Морщусь, но мужественно принимаюсь за кусок, который Алексей кладет на мою тарелку. Внимательно обследую. Не обнаружив видимых следов взлома, на всякий случай заглядываю в чашку с чаем. Там одиноко плавает заварочный пакетик. Никаких поблескиваний. Возвращаюсь

к торту. Ещё никогда в жизни я не жевала так тщательно. Каждый кусочек бережно растираю во рту, превращая его в нежную творожно-бисквитную массу. Я почти не чувствую вкуса, боясь пропустить главное. Масляные розочки откладываю на край тарелки.

– Что-то не так? – спрашивает Алексей. – Не нравится торт?

– Что ты! Очень! – отвечаю я обреченно.

Значит, кольцо – точно там. Запихиваю в рот ненавистное масло, осторожно сдавливаю его зубами и сразу глотаю, не обнаружив ничего твердого. С непривычки желудок начинает будоражить. После седьмой розочки колет в правом подреберье. Кольца нет. Я поднимаю истерзанное муками сомнения лицо на Алексея. Неужели я его всё-таки проглотила?

Алексей понимающе улыбается, встает и поднимает руку. Становится тихо.

– Прошу минуточку внимания. Остался ещё один подарок для нашей именинницы!

У меня внутри будто бутылку с газированной водой открыли, которую до этого долго трясли. Еле сдерживаю порыв освободиться от съеденного. Нужно держаться. Негоже пропускать самый важный момент жизни! Давай, не томи! Алексей медленно достает из рабочей кожаной папки плоский конверт формата А4 и крепко сжимает его в руках. Странная упаковка для кольца...

– Дорогая моя Александра! – начинает Алексей и берет мою правую руку в свою. – Я долго готовился к этому событию. Всё-таки четвертьвековой юбилей – не шутка, случается раз в жизни. Я горд и счастлив быть в этот день рядом с тобой. И не только в этот день. Я счастлив проводить с тобой каждый день, – он делает паузу и пристально смотрит на меня. – Я долго думал, что тебе подарить. Конечно, цветы. Извини, что с букетом большого сюрприза не получилось, – он улыбается, глядя на меня. – Но цветы – это всего лишь атрибут праздника. Они завянут. Главное – не это. Главное, что мы вместе: каждый день, каждую минуту, каждую секунду. И чем больше этих минут, этих часов, тем счастливее я. Тем счастливее мы.

Он сильнее сжимает мою руку. Я нетерпеливо киваю.

– В общем, я решил подарить тебе нечто, что позволит нам проводить больше времени друг с другом и быть более счастливыми.

Он что, тоже ребенка захотел? Но при чем тут конверт? И где коробочка с кольцом? Алексей передает мне плотный белый конверт формата А4 с круглыми завитушками наверху и надписью «Бизнес-семинары». Я, борясь с неприятным гудением в желудке, открываю его.

«Подарочный сертификат выдан Александре Епишиной для посещения шестнадцатичасового курса по тайм-менеджменту».

Глава 3

Теперь я знаю, почему люди так часто кончают жизнь самоубийством в метро. Нет, лучше смерть, чем держать все это в себе! После торта я чувствую себя удавом, который съел на ужин теленка целиком, а после того, что устроил Алексей, – одновременно и этим теленком. Это самый ужасный День рождения в моей жизни! А ведь должен был стать самым лучшим!!!

Какой бесчеловечный человек планировал московское метро? На драгоценные камни с Урала денег хватило, а на скромных человеческих потребностях сэкономили. Лезу в сумку в поисках полиэтиленового пакета. Нахожу лишь запасные капроновые колготки и паспорт. Какая же я несчастная! Как мне не везет в жизни! Какой он всё-таки подлец! Так хочется накричать сейчас на него. Но нет. Эти действия правилами пользования пассажирским транспортом не предусмотрены. Какой-то мужчина освобождает мне место. Господи, я действительно выгляжу, как переевший удав. Сажусь, прячу живот за сумкой и свешиваю голову.

– Что с тобой? – волнуется Алексей. – Тебе нехорошо?

Он ещё спрашивает! Вместо кольца подарил мне какой-то сертификат, опозорил перед всеми! Как я теперь буду объяснять маме, почему мужчины все, как один, не хотят на мне

жениться? Она, наверное, уже монолог длиной в «Анну Каренину» с не менее драматичным финалом относительно моей дальнейшей женской доли подготовила. Где этот сертификат? Я из него пакетик, как в самолете, сделаю. Хоть какая-то польза будет.

– Немного переела, дорогой, – слышу свой голос.

– Наверное, от розочек, – заботливо поясняет он. – Не нужно было столько есть.

Он издевается? Или до сих пор ни о чем не догадывается? А ещё психолог, называется. Нет, мужчина и психолог – всё-таки понятия несовместимые. Только женщина обладает необходимой человеку этой профессии врожденной чуткостью. Я всегда чувствую, чего он хочет. Блинчики на выходные? Пожалуйста! Организую ему поход в «Шоколадницу». Сексуальное желание одолело? Без проблем – вот тебе эротический фильм в подарок! Хочешь на день рождения новый галстук? Я его уже купила – причем до того, как он мне о своем желании поведал! А мужчины – никакой интуиции. Одна железобетонная логика. Времени нет на отношения? Вот тебе курс по тайм-менеджменту. Не хочу тебя больше видеть? Вот тебе чемодан и билет на все четыре стороны. Тошно так жить? Вот тебе книга. Жан-Поль Сартр «Тошнота». Не зря Света жаловалась, что у нее мужской склад ума. Или он со Светой снова сговорился? Как тогда на катке, когда они решили нас помирить. Но почему тогда «Тошнота»? Домой мы добираемся за полночь. Мне далеко не до выяс-

нения отношений. Всю ночь меня мутит. Каждый раз, когда масло вырывается из моих негостеприимных недр, я с дикой надеждой смотрю вниз, не блеснёт ли на дне тазика кольцо. Потом, вернувшись в комнату, ложусь к мирно похрапывающему у стенки Алексею, закрываю глаза и понимаю, что я всё придумала. Он и не собирался жениться. Он же мне говорил, что «брака» ему в семье хватило. Мне горько и больно от этой мысли, ведь я была убеждена, что смогу изменить его.

Утром уезжаю, когда Алексей ещё спит. На работе тихо. Татьяну вызвал шеф. Как жаль, что я не начальник! Сейчас бы провела совещание, вызвала подчиненных на ковер и выпустила пар. Мне легче, и для дела польза.

Нет, так нельзя. Татьяну шеф пропесочит за нашу ошибку (не мою, конечно, а Анжелы или Толика – только они у нас ошибаются), а она, человек нежнейшей души, ни за что не позволит себе отыграться на нас: все удары принимает на себя, а потом по Москве бродит, чтобы стресс разгулять. Вообще, с нее нужно брать пример. Мне кажется, я бы так не смогла. Кто виноват, тот и должен отвечать за ошибки. Причем по полной программе. Я так думаю. Почему я теперь должна страдать за ошибки родителей Лёши?

Он, наверное, сидит дома, пьет кофе, размышляет над своей диссертацией о женских истерических состояниях и в ус не дует, что я по его милости уже битый час именно в таком состоянии нахожусь. Сейчас пошлю ему смс о том,

что мы расходимся, пусть поразмышляет. Введение к диссертации напишет. А потом через полчаса напишу, что я не ему писала, а другому. Ему материала на целую главу хватит! А ещё через час напишу, что я пошутила! Как он может меня второй раз в качестве подопытного кролика использовать?! Подлец! Снова он за свое! Не хочет, видите ли, жениться! После всего того, что про меня вчера на праздновании сказали! Да я сама на себе захотела жениться! А он не хочет! У меня из-за него весь жизненный план рухнет. Как заводить детей вне брака? Так не полагается. Это неправильно! Не по-перфекционистски!

– Мальчик! У тебя какая фамилия? – будут спрашивать нашего сына друзья в школе.

– Вишневский!

– Как у мамы?

– Нет, как у папы!

– А почему у мамы другая фамилия?

И на этот вопрос у ребенка никогда не будет ответа! Никогда! Он будет расти замкнутым и нелюдимым. Нам придется водить его по детским психологам, но это не поможет. Мне придется уйти с работы и полностью посвятить жизнь ребенку. Алексей будет винить себя и отстранится от нас. В какой-то прекрасный день он уйдет, не выдержав груза вины, и я стану матерью-одиночкой. И такой судьбы мы хотим нашему ребенку?

Татьяна возвращается от шефа. Она с утра ходила мрач-

нее тучи, а теперь, кажется, задень её, и она рассыплется пеплом на мелкие части. Неужели шеф не мог подождать со своими проблемами? Не видел, что человеку и без него тошно. Неужели это всё из-за того, что Толик с утра о своей свадьбе рассказал? Да, он торжественно объявил, что женится. На какой-то Оле. Я же не схожу после этой новости с ума!!! Господи! За что мне это наказание? Теперь и в нашем отделе появится обручальное кольцо!!!

Татьяне не нужно так расстраиваться. Ей, конечно, уже не двадцать, молодого человека у нее нет, но стоит ли из-за этого так убиваться? Жизнь, в конце концов, на личной жизни клином не сходится. Есть ещё работа, друзья, домашние животные, цветы и холодильник, на крайний случай. Кстати, где мой эклер? Иду на кухню и достаю сладость. Эклер пахнет утренней свежестью и вареной сгущенкой. Как же я тебя люблю! Откусываю маленький кусочек. Никогда не говоришь мне: «Не хочу на тебе жениться!» Всегда смиренно ждешь, когда я приду. Вот это, я понимаю, настоящая любовь.

После всего, что произошло вчера, хочется прийти домой и представить, что я живу одна. Несколько дней без Алексея – думаю, это пошло бы нам обоим на пользу. Или даже месяц. Не зря люди, неоднократно побывавшие в браке, очень осторожно относятся к выбору следующего партнера: только поживши вдвоем, начинаешь понимать, как хорошо одному. Во всяком случае, мысли о нем не мешают работать.

И ещё этот Сердобольный не дает мне покоя. Нужно ещё раз обсудить.

– Таня, ты на обед куда собираешься? – спрашиваю её тихонько. – Может быть, вместе ходим?

Она вздрагивает, будто проснувшись от зимней спячки, и медленно поворачивается ко мне.

– Да, мне нужно с тобой поговорить. Давай только куда-нибудь подальше уйдем. В «Матрешку»?

Мне страшно от ее ледяного, абсолютно ровного тона: будто только что в нашей Тане, теплой и радушной, злой волшебник выжег всю душу.

Колокола на улице бьют двенадцать, мы одеваемся и выходим. Под ногами тает только что выпавший снег – природу опять будто напоили. Мы осторожно ступаем, время от времени помогая друг другу перепрыгивать с одной заасфальтированной кочки на другую, чтобы не замочиться.

Всю дорогу молчим, хотя меня так и подмывает разузнать, о чем она хотела со мной поговорить. Татьяна только спросила, как прошло празднование юбилея. Явно из вежливости, не из интереса. Я ответила, что всё хорошо. Подробностей выкладывать не стала. У меня странное ощущение, будто огонь внутри у Татьяны ещё не погас и клокочет, как в жерле вулкана. Лава рвется наружу, но твердыня её не пускает и превращает в темно-серый пористый базальт. Жерло сжимается ещё сильнее и вот, уже нечем дышать. Мне кажется, я бы все уже выложила, а Таня в себе держит. Зачем ей ещё

мои проблемы?

– Я знаю укромный столик, за который никто не садится, – говорит она, когда мы у метро Третьяковская поворачиваем к ресторану. У входа нас встречает розовощекая «Матрёшка» и мужским голосом приглашает зайти. Не только нас, но и всех остальных прохожих – в большинстве своем пассажиров, спешащих в метро. Это немного странно, потому что днем в заведении и без того не протолкнуться. Но работа есть работа, и Матрёшка ее делает, как предписывает инструкция. Молодец!

«Мартрёшку» любят многие. Это традиционный русский ресторан, которых в центре Москвы осталось не так и много. Есть суши, украинская еда, американские, аргентинские стейкхаузы, а русских заведений – почти нет. Около нашей работы она одна и держится. Бизнес-ланч здесь знатный. На большом деревянном столе в форме телеги стоят салат из морковки, селедка под шубой, свекла с орехами, соленые огурчики, маринованные помидоры, оливье, хлеб – все, что русская душа пожелает. Суп и горячее приносит официант. В обеденные часы ресторан превращается в гудящий улей, в котором только официанты трудятся, как пчелки. Все остальные сидят трутнями и едят.

Сегодняшний день – не исключение: «Матрёшка» забита до отказа. Офисные работники вальяжно прохаживаются между столами и телегой. У барной стойки я вижу Толика с девушкой. Он, заметив нас, улыбается и машет рукой. На-

верное, это его невеста. Подмигиваю ему. Невеста неодобрительно косится. Подмигиваю сильнее, чтобы четко дать понять, что я его коллега, а не кто-то там ещё. Татьяна проходит мимо, их не замечая.

Мы действительно находим столик, за которым никого нет. Он находится дальше всех от тележки с салатами, наверное, поэтому не популярен. Татьяна заказывает зеленый чай и салат с креветками, я – борщ и квас. Приносят быстро. Какое-то время я сосредоточенно хлебаю и думаю, может быть, стоит рассказать ей для начала о своих личных проблемах или про Сердобольного поговорить. Но Таня так тяжело вздыхает, что у меня слова на ум не идут. Мои проблемы мельчают, и я думаю, что к концу обеда от них совсем ничего не останется, безо всяких разговоров.

– Александра, – Татьяна первой прерывает наше тягостное молчание. – Думаю, ты догадываешься, о чём я хочу поговорить с тобой. Что скрывать, об этом уже все знают.

– Все? – я лихорадочно соображаю, о чем она.

– Александра, ты – чуткий, понимающий человек. Я надеюсь, ты не осудишь меня.

– Конечно, нет, – отвечаю я с полной уверенностью, что по ходу разговора пойму, о чем речь.

– Спасибо, – Татьяна грустно смотрит на меня. – Надеюсь, ты осознаешь, какая ответственность в связи с возникшими обстоятельствами возлагается на тебя?

– Да, конечно.

Ничего не понимаю.

– Надеюсь, ты оправдаешь те надежды, которые мы на тебя возложили. В любом случае, тебе, как молодому начальнику, придётся многому учиться.

Что? Молодому начальнику? Она предлагает мне своё место?! Рот, как на роликах, разъезжается к ушам. Назад! Изобразить на лице сострадание! Никакой радости! Ненавижу себя в этот момент. Губы беззастенчиво растягивают объятия навстречу неожиданно свалившемуся счастью. С силой тяну их обратно. Татьяна уходит, у неё какие-то проблемы, а я бесстыдно радуюсь новой должности!

Почему я не занималась актерским мастерством? Сейчас бы в два счета слепила на лице мину жалости, а внутри бы радовалась тихонечко повышению. Лёше надо было мне подарить мастер-класс актерства, а не курс по тайм-менеджменту! А может быть, Таня совсем не уходит? Идёт на повышение?!

– Тебе предложили другое место? – спрашиваю я, улыбаясь.

– Не знаю, что будет после этой вынужденной паузы, но повышения не будет. Это точно. Я бы хотела уйти, как можно раньше. Если Виктор Алексеевич утвердит тебя, то, возможно, со следующей недели. Я уверена, ты быстро освоишься. Ты внимательная, всё замечаешь. Насчет других я такого сказать не могу. Толик женится, у него в голове теперь другое. Ангела и Володя...

Татьяна вздыхает.

– Да... – перехватываю я. – Значит, я не ошиблась...

– В чем не ошиблась?

– Что у них роман! Мне первым делом придется провести с ними воспитательную беседу о поведении на работе.

– Я думала, у Анжелы есть молодой человек? – Татьяна поднимает на меня напряженный, полный недоумения взгляд.

– Да, так она говорит, но чужая душа – потемки. Ты не волнуйся, невысокие нравственные качества не обязательно отрицательно сказываются на рабочих.

Я с восторгом думаю о том, что теперь сама смогу подбирать персонал. Захочу – уволю, захочу – оставлю! Губы опять бесстыдно расплзаются в улыбке. Не смей! Назад! Надо занести курс актерского мастерства в список дел, иначе снова забуду.

– Да, Анжела и Володя – хорошие работники. Я это, собственно и хотела сказать.

– То есть – не про их роман?

– Нет, про роман я в первый раз слышу. Надеюсь, ты ошибаешься.

– Боюсь, что не ошибаюсь. В коробке с новогодними игрушками я нашла любовную записку: «После праздника останься, когда все уйдут». Слово «люблю» ещё. Записка порвана была, но смысл понятен. Я считаю это недопустимым. На работе, по крайней мере.

Татьяна краснеет до цвета борща, который я ем. Она всегда реагирует на отношения между полами эмоционально, но сегодня, по-моему, перебарщивает.

– Эту записку мы на новогоднем корпоративе сочинили, – говорит она, улыбаясь. – Ребята придумали игру. Мы стихи сочиняли командами. В этой записке не про любовь было, а про головную боль после корпоратива. Что-то вроде «она остается после праздника, когда все уходят». И ещё «я ее не люблю».

Теперь настает моя очередь покраснеть – не то, что до цвета борща, мне кажется, моё лицо становится цвета кваса. Отпиваю глоток из кружки, чтобы немного остыть. Вот это я попала! Так, о чём мы изначально говорили?

– Ты действительно думаешь, что я подхожу на место начальника? – спрашиваю я. – Ведь я всего год работаю.

– У тебя есть все задатки, – отвечает Таня. – Единственное, над чем бы я посоветовала поработать, – над умением выделять главное и концентрироваться на нем. Ты иногда разбрасываешься, работаешь над тем, что не требует таких вложений времени. Прибираешься в папках в то время, когда денежные переводы нужно проверять, стол идеально накрываешь, подарки часами выбираешь. Все это нужно будет учиться делегировать. Сейчас ты пока засчёт вечеров выкручиваешься, а потом это может привести к нервному срыву или к личной несостоятельности... Как у меня.

– Что ты, Таня, – я отодвигаю борщ в сторону и с состра-

данием, на которое только способна в ситуации стремительного карьерного роста к человеку, место которого собираюсь занять, смотрю на нее. – Тебе ещё обязательно повезет в личной жизни. У тебя будет молодой человек, семья, дети. Я уверена. Если не таких, как ты, замуж брать, то кого же?

Да, мир по-моему с ума сошел. Таню не берут. Меня не берут. Свету не берут! Нет, мужская забастовка не может длиться вечно. Ведь им наверняка, как и нам, тоже хочется романтики, белого платья, фаты, лимузина, венчания, свадебного путешествия, долгих прогулок по пляжу! И нужна для этого самая малость – набраться мужества, подкопить денег и подарить кольцо с бриллиантом своей девушке! Кому-то, конечно, ещё и девушку подходящую нужно найти, но за этим дело не заржавеет. Сколько их в Москве? Незамужних, красивых, уже давно готовых к романтике, белому платью, фате, лимузину, венчанию, свадебному путешествию, долгим прогулкам по пляжу и кольцу с бриллиантом?

Обнадеживающе улыбаюсь, но Таня не отвечает. Решаю не усугублять ситуацию дальнейшими расспросами. Толик в это время влюбленно смотрит на свою невесту. Мне хорошо их видно. Девушка у него симпатичная. Толик светится. Мне хочется оказаться на их месте с Алексеем. Сидеть и говорить с ним о том, что меня только что назначили начальником отдела. Он бы обязательно за меня порадовался. Может быть, он прав насчет тайм-менеджмента? Там ведь как раз учат заниматься главным и не отвлекаться на всякие

посторонние вещи. Без этих умений мне теперь не обойтись. Никогда не поздно начать заниматься главным.

– Мне нужно уйти, – вдруг говорит Таня. – Ты не оби-дишься?

– Нет, – отвечаю я. – Все равно собиралась ещё зайти в ма-газин. Толику на свадьбу подарок присмотреть от нашего от-дела.

Таня кивает.

– Только не долго. Толик не такой разборчивый, как ты, – Таня улыбается. – О том, что я тебе сказала – о возможном назначении, пожалуйста, никому пока не говори, – добавляет она. – Твою кандидатуру я предложу Виктору Алексееви-чу, он решит.

Тон у неё такой, будто у меня после этого разговора шан-сов – не больше, чем воды в перевернутом стакане. Даже ес-ли я знаю, как перевернуть стакан, чтобы вода из него не про-лилась. Даже если я знаю, как перевернуть его обратно, ни-чего не замочив вокруг. Меня папа научил! Только какой толк теперь от всех этих фокусов? Лучше бы научили меня, как главное от второстепенного отделять или как лучше по-нимать, что у нас на работе происходит... Почему Таня ухо-дит? И о Сердобольном не поговорила. Таня не в том настро-ении была. Да и что говорить – она отдала дело Володе. Хотя если она уйдет, то я могу теперь сама... Я буду руководить Толиком, Володей и Анжелой! Руководить... Да после того, как они меня вчера поздравили с Днем рождения, мне хо-

чется их просто уволить!!!

* * *

– Добрый день! Меня зовут Владислав. Рад вас приветствовать на нашем небольшом вечернем тренинге! – бодро сообщает ну очень молодой человек со светлыми волосами в белой рубашке и голубых джинсах. Мне кажется, у него борода только-только начала расти. А уже других учит. Мы располагаемся всем отделом в небольшом конференц-зале, где обычно проводят совещания. Половину помещения занимает продолговатый стол из серого пластика, по краям которого сидим мы вчетвером (Таню шеф снова срочно вызвал). Свободное пространство от двери до стола заполняет Владислав вместе с флип-чартом и большой черной сумкой. Желание тренировать командные навыки у нас всех одинаково нулевое, но другого выхода нет.

– Я вижу, что вы пышете энергией после окончания рабочего дня! – тренер бодро улыбается, отчего становится ещё противнее. Он наверняка дома за день отоспался, а теперь стоит здесь и показывает, что он лучше нас. После напряженной паузы он добавляет. – Постараюсь покороче, чтобы вы ровно в девять ушли домой!

– В девять?! – Толик с Володей вскакивают со своих мест.

– Нам обещали до восьми! – вторит им Анжела.

– Да! – присоединяюсь я.

– Ага, – Владислав хитро улыбается, – всё-таки есть ещё порох в пороховницах! Нужно только дать правильный стимул. Давайте договоримся, что работаем не на время, а на результат. Как команду построим, так и уйдем. Можем даже раньше положенных восьми уйти. Согласны?

Мы энергично киваем. Вот подлец! Манипулирует! Знаю я таких психологов.

– Не будем терять времени, – продолжает Владислав. – Кто из вас понимает английский?

Вяло поднимаем руки. Он разве не в курсе, что банк у нас иностранный и английский – обязательное требование для всех? Мог бы поинтересоваться, прежде чем тренинг проводить.

– Значит, вы в курсе, что речь сегодня о командообразовании! – говорит Владислав.

Я поглядываю на часы. 15 минут тренинга уже прошло, а мы выяснили только тему. Зеваю и украдкой смотрю на смартфон. На мою смс-ку о том, что я сегодня задержусь из-за тренинга, Лёша пока не ответил.

– Для разминки давайте сделаем одно простое упражнение, – резонирует Владислав, доставая из большой черной сумки круглый, серебристый магнитофон. – Вы его дома сможете использовать, чтобы вечером сбрасывать лишнее напряжение.

– А может быть, мы сразу к главной части тренинга перейдем? – предлагаю я. – Чтобы время не терять?

– Мы не теряем время, не волнуйтесь! Мы его экономим! – Владислав нажимает на «плей». Слышится ритмичный бой барабанов. – Ваше задание – полностью расслабиться и одновременно встряхнуться. Я научу вас за десять минут освобождаться от телесных зажимов, которые мешают энергии свободно циркулировать по вашему телу. Очень важно освобождаться от них в тот же день, чтобы ночью организм восстанавливался. Это древняя восточная техника. По-другому она называется динамическая медитация. Встаём, закрываем глаза и двигаемся, как вам хочется, безо всякого контроля и правил.

Отличное задание для отдела комплаенс-контроля. Освободитесь от контроля! Кому он нужен?! Забудьте правила! Из динамиков вырываются барабаны, крики, свист, дикий ритм африканской музыки. Мне кажется, я слышала её в фильме, в котором какие-то племена человеческие жертвы богам приносили. Никто из нас, конечно, и не думает вставать.

– Активнее, ребята! – Владислав, подергивая бедрами в ритм музыки из стороны в сторону, приближается к нам и протягивает руки. Обмотать его сейчас веревками и тряпьем, настоящий шаман получился бы – настолько он убедителен. Сначала приходится встать Толику с Володей, а потом мне с Анжелой. Тани всё ещё нет. Она, наверное, специально не возвращается, чтобы не участвовать в этом сборище племени. Моими застывшими конечностями двигает только

одно желание – уйти побыстрее домой, других, думаю, тоже, но нашего динамичного стояния Владиславу недостаточно. Он кричит: «Активнее! Веселее!!! Освободитесь от контроля, от правил! Они вам не нужны!!! Отключаем левую половину мозга! Включаем правую! Чувствуем настоящее! Нет прошлого! Нет будущего! Есть только «сейчас»! Работа закончилась! Долой дела и порядок! Да здравствует свобода!»

Как же! Закончилась работа! А тренинг – это разве не работа? Владислав закрывает глаза, и тут начинается самое интересное. Он будто не замечает нас. Он впадает в транс. Мы сначала растерянно стоим возле него, затем тихонько садимся обратно на стулья и с любопытством следим за тем, что он вытворяет. Движения его хаотичны: руки, будто, сами по себе, ноги – сами по себе – как у сломанной заводной игрушки. Все это странно, даже отталкивает, но почему-то никто из нас не может оторваться. Движения его совершенно неправильные, но свободные и абсолютно расслабленные. Лицо, как у ребенка на картине «Мадонна с младенцем»: спокойное и безмятежное. Нет, скорее, как у самой Мадонны: умиротворенное и светится счастьем. И все же странно видеть все это в переговорной нашего банка...

– Так, хорошо, – Владислав неожиданно открывает глаза и останавливается. – Думал заразить вас своим танцем, но вы – явно не из ансамбля Игоря Моисеева.

– Точно, – в один голос вторим мы. – Мы – из банка.

– Ребята, – Владислав становится серьезным. – Я ведь не случайно эти упражнения даю. Они быстрее всего приведут нас к цели сегодняшнего тренинга. А какая у нас сегодня цель?

– Уйти в восемь домой, – отвечает Толик, улыбаясь.

– Правильно, это тоже цель, и придете вы к ней быстрее всего, если будете работать в команде.

– А может быть, у нас она уже есть? Именно такая, которая нужна для нашей работы? – вступает Володя. – Суть нашей деятельности не предусматривает работу в тесно сплоченной команде. Она нам просто не нужна. Каждый делает свое дело и отчитывается перед начальником. Если требуется, мы друг другу помогаем. А влезать в дела друг друга нам инструкция запрещает. У нас ведь банковская тайна, конфиденциальность.

– Ребята, послушайте. Команда – это не просто совместный труд. Есть атмосфера, в которой хорошо работается, с удовольствием, с радостью. Атмосфера создает правильный настрой, расслабленное состояние воина, который в любую минуту готов к действию, к борьбе. Если постоянно быть в напряжении, в состоянии войны – с собой, с другими, то можно быстро сгореть. Без умения расслабляться нет эффективности, сколько бы вы себе не запланировали. Рад, что ваше начальство это понимает. Если есть заказ на этот тренинг, то, наверное, в нем есть потребность. Я знаю, что вы устали после рабочего дня. Но лучше провести тренинг сей-

час, чем на выходных? Вы, наверное, тоже работаете с другими людьми? С кем вы в течение дня взаимодействуете?

– С менеджерами, – отвечаем мы.

– И что будет, если они откажутся с вами взаимодействовать? Просто потому что устали, потому что не хотят. Потому что им так проще. Сможете вы дальше делать вашу работу?

– Нет, – отвечаем мы.

– Вот и я не могу выполнять работу, если вы отказываетесь взаимодействовать со мной.

Мы виновато опускаем глаза.

– Не нужно испытывать угрызений совести, – успокаивает нас Владислав. – Противиться новшествам – это естественно для человека. Внутри каждого из нас сидит маленький человечек – бюрократ, счетовод, который внимательно учитывает расход и приход энергии. Все новое: что нам предлагается узнать, запомнить, изучить, он встречает в штыки, потому что на это нужно много энергии. И он прав! Наш мозг расходует около четверти всех килокалорий организма! А это – очень много для такого небольшого по размерам органа! Все, что мы уже знаем, применяем, идет на автомате – это хорошо, на это много энергии не нужно, а новое – только при острой необходимости, потому что нужно выстраивать новые нейронные цепочки, выделять стройматериалы, энергию. За применением нового нужно постоянно следить! А это опять расход энергии! И когда дело идет

об усталости, в том числе о вечерней усталости, наш счетовод прикрывает лавочку. Подождем, пока резервы заполним: поспим, отдохнем, поедим, переварим. До сих пор жили без этих новшеств и сейчас проживем. Так говорит наш бюрократ-счетовод. У некоторых людей – ригидных, ограниченных, перфекционистов, такой человек особенно строго, я бы даже сказал, по-диктаторски, saniрует пространство. Все новое – плохо. Все старое – хорошо. Это нам не нужно. Это и так хорошо.

Перфекционистов? Он сказал: «Перфекционистов»?! Владислав продолжает монолог и говорит теперь электронным голосом, прохаживаясь из стороны в сторону, как робот. «Это нам не нужно. Это и так хорошо, – повторяет он. – К черту тренера и то, что он говорит. Мы уже научились за свою жизнь. Университеты с красными дипломами закончили. Как научились, так и будем жить. Новое нам не нужно. Нам и так хорошо. У меня есть всё, чтобы быть счастливым, но я не чувствую этого. Плохо чувствую. Но я ничего не могу поделать. Ем, сплю, работаю. Это моя программа выживания. Но что-то происходит. Не знаю, что, но мне плохо. Я плохо чувствую. Плохо себя чувствую». В конце представления робот теряет подвижность, не может говорить. Его голос скрипит. Звук, сопровождающий движения, режет слух, будто кто-то сейчас проводит металлом по стеклу. В конце концов, робот падает на пол и больше не движется.

Сначала мы смеемся, потом умолкаем, а ещё через

несколько секунд подбегаем к Владиславу и спрашиваем, все ли у него в порядке.

– Отлично! Хотя бы так я заставил вас немного подвигаться, – отвечает Владислав, улыбаясь. Он встает и снова превращается в тренера. – Теперь самый важный момент! Слушайте внимательно. Закройте глаза и представьте себе этого внутреннего бюрократа, который saniрует ваше внутреннее пространство. Представили? А теперь, пока он ничего не ожидает, завалите его, свяжите ему руки, ноги, чтобы не убежал! И главное, кляп в рот вставьте! Посадите на стул и привяжите к стулу. Не церемоньтесь с ним! Он с вами не церемонится. Сделали? Отлично! – Владислав потирает руки. – Теперь позовем скромного интеллигента, которого злой бюрократ все это время держал взаперти. Позвольте творцу внутри вас выйти на сцену. Да-да. Тот, который стихи сочиняет, музыку, книги пишет, танцует. Теперь его черед.

Мы все, как по волшебству, медленно встаем.

– Отлично. Пока ваш творческий интеллигент не испугался, делимся на две команды, – приказывает Владислав, – по одному мужчине и одной женщине в каждой.

– Я с Анжелой тогда, – говорит Володя и встает рядом с ней.

Толик стоит, как вкопанный, приходится мне идти к нему.

– Итак, будем проверять ваши командные навыки, – Владислав потирает руки и достает из черной сумки, которую он принес с собой, пачку бумаги и веревочку. – Делаем из бу-

маги снежные комки и выбрасываем их со своей территории на чужую. Ваша территория – здесь, – Владислав смотрит на нас с Толиком и показывает на правую сторону от веревочки, которую он протянул от двери до стола. – Соответственно территория второй команды – Анжелы и Володи – здесь. Побеждает тот, у кого будет меньше бумажных гранат, чем у противника или столько же.

Владислав предлагает Володе с Анжелой занять свой дом, мы с Толиком готовимся к нападению и лепим из бумаги гранаты. Через пять минут война начинается. Будто мы всю жизнь ждали этого момента. Сначала степенно выкидываем гранаты руками, потом выпинываем их ногами, а концу игры уже безо всякого стеснения швыряем снежки исключительно друг в друга. «Вот тебе, за то, что меньше всего делаешь, а зарплату получаешь такую же, как и мы». «Вот тебе за то, что выбрал Анжелу, а не меня». «Вот тебе за то, что за зиму болела три раза, а я чуть не умерла от двойной нормы». «Это за то, что тебе досталось дело Сердобольного!» Ещё за вчерашнее, что оставили меня одну! Мне бы ещё очень хотелось засадить пару раз гранатой по Толику, но мы с ним все-таки в одной команде. Правила есть правила. Вот это творец внутри меня разыгрался! Даже не думала, что он у меня такой бойкий! И память у него, оказывается, отличная!

– Остановитесь! – слышу, будто издалека, голос Владислава. – Время вышло!

Он становится на разделительную линию и поднимает руки, как боксерский рефери на ринге, разнимающий тяжело-весов. В него случайно попадает несколько последних боеприпасов – за то, что задерживаешь нас после работы.

– Закончили! – кричит Владислав.

Мы, запыхавшиеся и раскрасневшиеся, нехотя расходимся на противоположные стороны комнаты.

– Теперь подведем итоги. Не нужно считать, – Владислав останавливает нас в усердной попытке определить окончательный счет игры. – Не в этом была суть упражнения. Вы могли выиграть как команда – вчетвером, разделив гранаты поровну, но для этого нужно было объединиться и договориться. Я говорил о таком условии: «меньше или столько же». Но вы предпочли закидывать друг друга, причем в самой недружественной форме.

Мы снова опускаем головы, как нашкодившие школьники. Повеселились, называется. Показали себя во всей красе. Молчи, бюрократ! Вот тебе ещё один кляп в рот! А что с тобой, творческий интеллигент, теперь делать?

– Извините, у нас действительно с командными навыками не очень хорошо, – говорит Анжела. – Простите, мы увлеклись.

Анжела достает зеркальце и проводит пальцем по двум царапинам от бумаги, которые остались от чьих-то бросков.

– Прости, Анжела, я не хотела, – шепчу, показывая на царапины.

– Извини, я тоже, – она показывает на мое лицо, – не хотела.

Смотрю в ее зеркальце. Следы чуть заметные, до завтра пройдут, но сам факт, что она тоже в меня метилась, заставляет интеллигента внутри меня бить по полу каблуками так, что резвая чечетка получается. Причем интересный такой ритм. Сначала медленно, протяжно, потом быстрее и быстрее, как биение сердца, которое вдруг захотело танцевать. И тут я слышу другой ритм – второго сердца. Откуда? Где оно? Чье?

– Теперь, я надеюсь, вы понимаете, зачем ваши руководители заказали этот тренинг? – громкий, победоносный голос Владислава отвлекает меня от внутренней чечетки.

Мы, виновато-насмешливо поглядывая друг на друга, киваем и рассаживаемся по местам.

– Очень часто так получается, что мы даже не понимаем, чего нам не хватает для повышения эффективности. Хорошая командная атмосфера – один из таких незаметных факторов. Моя задача сегодня была показать, что решение проблемы может прийти с самой неожиданной стороны. Поэтому я считаю, что мы очень хорошо продвинулись. Осознание проблемы – это половина решения. Проверьте, не выплюнули ли бюрократы свои кляпы? Хорошо ли связаны? Интеллигенты-творцы не спрятались, по-прежнему на сцене? Отлично! Идем дальше!

Продельываем несколько упражнений из серии «Интер-

вью». Оказывается, Анжела уже восемь лет живет с молодым человеком, юристом по профессии, а вечером, прежде чем поехать домой, заезжает к маме – она у нее сильно болеет. Поэтому Анжела всегда так торопится и уходит ровно в шесть! А ещё она любит орхидеи – у нее дома целая оранжерея. Именно цветами она стала бы заниматься, если бы не нужно было зарабатывать на жизнь и помогать маме с лекарствами. Когда она говорит об орхидеях, глаза ее светятся от восторга, даже цвет их меняется на изумрудный. Никогда не видела ее такой счастливой раньше! Ни за одним из наших досье.

Толик женится через месяц! У Володи пока никого, кроме Толика. Они – лучшие друзья с университета. Любят фантастику, обмениваются фильмами, книжками, по вечерам играют через Интернет в компьютерные игры. Эти увлечения их сблизили. Была бы их воля, они бы стали писателями-фантастами и одновременно разрабатывали бы компьютерные игры. Вчера они спешили на встречу с их любимым писателем-фантастом. Рассказывают они об этом наперебой, взахлеб. При этом поглядывают друг на друга, как подростки, которые вместе уже изобрели что-то, достойное не менее, чем Нобелевской премии, но поведать миру об этом не решаются. И мы от их радости тоже расплываемся в улыбке, и чувствуем себя по-детски счастливыми.

Я, отвечая на этот вопрос, рассказываю, что мы с моим молодым человеком ходим в театры, музеи, цирки. Со-

бираемся скоро дельфинарий посетить и в будущем провести отпуск на яхте. Возможно, даже отправиться в кругосветное путешествие. Я мечтательно улыбаюсь, представляя себя под огромным белым парусом и Лёшу за штурвалом. И всё бы хорошо, если бы не мой интеллигент, который вдруг появляется прямо перед моим шезлонгом и ждет, нетерпеливо постукивая каблуком. Ритм его движений равномерный и четкий, как у метронома, отсчитывающего секунды. Я стараюсь не обращать на него никакого внимания и рассказываю дальше про то, что люблю порядок. Это для меня тоже своего рода хобби. Ребята смотрят на меня, а лица у них точь-в-точь, как у моего интеллигента – будто они мне не верят и все ждут, когда же я закончу зачитывать кем-то написанный список и начну говорить о другом, о настоящем, от чего лицо расплывется в детской улыбке и глаза засветятся. Говорю дальше – про работу, что она мне идеально подходит и я с удовольствием сюда прихожу. Ребята усмеваются. Они перекидываются фразами, что все они любят работу, а мне становится не по себе от мысли, что я так ничего стоящего и не сказала: ни о цветах, ни о книгах, хотя я их тоже люблю. Люблю, но не так, чтобы сердце забилося в сумасшедшем ритме и захотелось сказать: о такой жизни можно написать книгу или фильм снять. Именно в этот момент мой интеллигент вдруг затихает. Он пристально смотрит на меня, чуть прищуриваясь, будто давая понять, что всё только начинается, и тишина эта – всего лишь пауза, короткая пе-

редышка перед настоящим представлением.

После упражнения «Акведук» Владислав нас отпускает. Шарик катался по нашим бамбуковым трубочкам, как вода по водопроводу, и ни разу не упал! Команда заработала! Никогда бы не подумала, что буду чувствовать с ребятами такое единение. Даже увольнять теперь никого не хочется.

* * *

Мы дружно идем к метро. Спустившись по переходу вниз, обнаруживаю, что в кармане нет кошелька, в котором лежит проездной. Толик предлагает оплатить проезд, но мне не по себе без кошелька, поэтому, ругая себя за рассеянность, быстрыми шагами направляюсь к офису.

– Кошелек забыла, – говорю охраннику, который привстает, чтобы посмотреть, кто это так поздно собрался на работу.

– Понятно, бывает.

– Ключ ещё не сдавали?

Охранник поднимает глаза на открытый шкаф с ключами, и качает головой. Наверное, Таня задержалась. Я поднимаюсь на третий этаж.

– Татьяна, – говорю я, открывая дверь, – извини, я кошелек забыла...

Официальное объявление о конце света не подействовало бы на меня сильнее, чем то, что я увидела. Виктор Алексеевич обнимает Татьяну, сидящую на столе далеко не в по-

зе начальника отдела банка, и страстно целует ее в шею. Конечно, он остановился, когда увидел меня, но не быстро, как делают любовники, которых застали врасплох, а медленно, словно хотел показать мне, что увиденное мною – реальность, про которую уже все знают. Кроме меня... Я будто немею, и на какое-то время перестаю слышать. Он что-то говорит, но слова его медленно распадаются на буквы и падают на пол – прямо передо мной. Их скапливается так много, что уже ничего не вижу. Кажется, сейчас рухну в обморок – прямо на эту гору бессмысленных букв. Приседаю на стул, который оперативно подставляет шеф.

– Александра! – он обмахивает меня папкой с отчетами. – Вижу, вы очень рады за нас! Мы только что решили пожениться. Александра! Ну что же вы молчите? Вы рады?

– Рада, – шепчу я ледяным тоном. – Очень рада.

– Я и не сомневался, – Виктор Алексеевич с облегчением выдыхает и заметив, что опасность обморока миновала, перестает махать папкой.

– Значит, вы разводитесь? – слышу я свой голос.

Господи, кто меня тянет за язык? Подчиненная не должна задавать таких вопросов начальнику. Это его личное дело!

– Да, это было уже давнее решение. А теперь, – он прижимается к подоспевшей на помощь Татьяне и многозначительно гладит ее по животу, – больше тянуть некуда. Жаль только, что Татьяне из-за всего этого уйти придётся. Наше начальство наше такую субординацию не приветствует.

– Да, – тяну я и стараюсь глубже дышать, чтобы не рухнуть от второй новости со стула. Живот у Татьяны будто за день вырос! Как же я раньше не замечала?

– Ребёнок всё ставит на свои места, – заключает Виктор Алексеевич.

– А как же ваш другой ребёнок?

О, Господи! Зачем изображать сейчас из себя Марию Терезу?

– Александра, это не ваше дело, – Виктор Алексеевич становится жестким. – Но я отвечу. Да, у меня есть ребенок, но он не мой. Я женился когда-то на женщине с ребенком, мы не сошлись характерами. Ребенок хорошо общается со своим родным отцом. Я ему не нужен, а этому – очень даже. Я долго не мог решиться, но сегодня понял, что тянуть дальше некуда.

Он снова улыбается и принимается гладить живот Татьяны.

– Александра, – включается она, – я представила твою кандидатуру на мое место. Виктор Алексеевич сказал, что подумает.

Значит, всё-таки роман был! Интуиция меня никогда не подводила! Господи! Что я наговорила Татьяне в обед?! Про рабочую этику... Никаких романов на работе...

– Дам вам пару месяцев времени, чтобы показать себя, – говорит Виктор Алексеевич уже обычным шефским голосом. – А теперь... Можете идти. Вы можете идти?

– Да, – медленно встаю и, словно клоун на деревянных ходулях, направляюсь к лифту.

– Ваш кошелек! – Виктор Алексеевич догоняет меня.

– Спасибо, – отвечаю глухо и нажимаю на кнопку лифта.

Глава 4

Москва красивая... Я знаю, что она красивая. Раньше мы с папой часами гуляли по Бутовскому лесу: на лыжах, на санках, весной – просто ходили. Лепили снеговиков, строили крепости. Или просто смотрели из окон нашей квартиры и не могли налюбоваться видом. В центре у Москвы другая красота: историческая, местами современная. Бизнес-центры, памятники, магазины, рестораны. И все это в пропорции «сто к одному»: сто машин на одно парковочное место; сто человек на одно место в поезде метро и ресторане. Только на окраине город будто скидывает эти оковы и напряжение перенаселенности. Можно увидеть ее легкость и расслабленность: леса, ручейки, поймы – здесь хочется дышать полной грудью, сюда хочется возвращаться. Ноги несут меня от метро к парку. Немного страшно брести в одиночестве по узкой тропинке под тусклым светом фонарей, но мне не хочется домой. Нужно подумать, прийти в себя, собраться с мыслями, набраться решимости.

Долгая зима заканчивается, а всё, что я видела – это скованные льдом тропинки и смешанный с солью грязный снег. Ни задорных горок, ни блестящих лыжных просек, ни прогулок по чистому, белому. Почему я перестала видеть красоту? Я будто ослепла. Мысли всё время крутятся: что сделать на работе, что купить в магазине, что приготовить на выход-

ных, что сказать ему, чтобы не заниматься сексом? Это ужасно, но я действительно постоянно придумываю отговорки. Я перестала хотеть его. Я вообще не испытываю желаний, тяги. Я перестала любить? Будто укол анестезии сделали, и я больше не чувствую. После жарких объятий шефа с Татьяной, я ощущаю этот лед особенно сильно. Он давит и не даёт вздохнуть, не даёт чувствовать. Будто и не было нашей страсти никогда. Как красоты. Знаю, что она есть, но больше ее не вижу. Она вокруг, но я не чувствую. Знаю, что желание есть, но больше его не ощущаю. Я замерзла, заледенела. Света говорит, что нужно добавить в жизнь эмоций, чувств, что они дают энергию, иначе превращусь в серый пепел, но как?

В витрине книжного магазина вижу книгу Фредерика Бегбедера «Любовь живет три года». Три года? Любовь должна жить три года! Но почему у нас только один? Почему в нашей теплой квартире вдруг отключили отопление? Мы ходим в шубах, лежим под тремя одеялами, а меня трясёт от холода! Почему всё так быстро закончилось? Кому предъявлять претензии по гарантии?

– Нам нужно поговорить, – ровным голосом сообщаю ему с порога. Ни тени недовольства, ни обиды, ни надежды. Просто деловое желание выяснить всё раз и навсегда.

– Согласен, – Алексей выходит из кухни в накрахмаленном передничке с нарисованным на нём толстым котом, держащим черпачок в лапке. – Ты знаешь, я решил, что буду

теперь готовить ужин к десяти вечера. Видишь, ты успела! Даже пораньше пришла! Какая молодец!

Он целует меня в щеку, и мое решительное настроение вмиг улетучивается.

– Котлеты жарить? – раздеваюсь и подхожу к плите. – Сколько раз перевернул?

– Три, – отвечает он и передаёт мне лопатку.

– Молодец, почти научился! – я улыбаюсь. – Следующий раз убавь пораньше, пожалуйста, чтобы корочка не подгорела. Она – вредная для здоровья.

Он прижимается ко мне, я боюсь, что мы сейчас так ничего и не обсудим, и ленты бесконечных диалогов будут продолжать опутывать меня. Придётся носить их на себе, как полную тяжелых патронов обойму.

– Молодец, ты тоже почти научилась, – он перехватывает у меня лопатку и переворачивает котлеты.

– Чему?

– Конструктивной критике.

– Это не критика вовсе, если ты про котлеты. И почему почти? Я лишь констатирую факты без лишних эмоций, как ты меня учил. Кстати, в этом русле я и хотела с тобой поговорить. Спокойно и рассудительно, – я делаю глубокий вздох, а потом громко выдыхаю. – Я решила завести ребенка.

Повисает звенящая тишина, потом сковорода с котлетами, которую Алексей держал в руке, с грохотом опускается на плиту. Эта фраза, очевидно, вызывает в нём состояние,

в котором я побывала сегодня, когда увидела Татьяну с шефом.

– Хорошо, что у нас не индукционная плита, а обычная – советская.

– Что? – переспрашивает он громко, будто контуженный.

– Хорошо, что у нас не индукционная плита, а обычная – советская, – повторяю я, перехватывая у него сковороду с лопаткой. Ещё обожжётся!

– Я про ребенка!

Его лицо наливается кровью. Я боюсь, что у него сейчас случится сердечный приступ. Беру полотенце и начинаю махать перед его лицом. Хочу побрызгать на водой, но Алексей вовремя выхватывает у меня бутылку – от волнения вместо брызгалки для цветов схватила жидкость для мытья раковины. Он тяжело опускается на стул.

– Что ты так разволновался! – я стараюсь говорить быстро, чтобы не остановиться, подавшись сочувствию. – Я всего лишь про нашего ребенка говорю. Думаю, что сейчас самый правильный момент для этого. Мне двадцать пять. Я всегда хотела двоих детей. Рожу одного за другим. Если повезет, двойня получится. Мальчик и девочка. Здорово, да? Одним метким выстрелом сразу двоих! – я подмигиваю. – Какая экономия времени получается! И, кроме того, декретный отпуск – это целых 140 дней! Мы сможем каждый день проводить вместе! Ведь этого нам так не хватает! Здорово я придумала? – стараюсь говорить легко и задорно, чтобы придать

бодрости гипотетическому папе, но он по-прежнему не хочет верить в свалившееся на него счастье. – Не волнуйся, тебя это решение практически не коснется. Я всё сама сделаю: выношу, рожу, воспитаю. С тебя только штамп в паспорте, ну ещё одна мелочь, сам понимаешь...

Щекочу его за ушком, как делала это раньше в постели, но он отворачивается и мычит, как раненый бык.

– Я не понимаю... Почему ты так? Почему сама решила? Я думал, что мы – настоящая пара. Что случилось? – он умоляюще смотрит на меня. – Дело во вчерашнем дне? Что-то не понравилось? Ты вчера домой ехала сама не своя. Что я сделал не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.